В. В. Марьина

Второй президент Чехословакии

Эдвард Бенеш: политик и человек

1884–1948

Валентина Владимировна Марьина

Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11130110
Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884-1948/ В.В. Марьина: Индрик; Москва; 2013
ISBN 978-5-91674-243-5

Аннотация

Эдварда Бенеш, политик, ученый, дипломат, один из основателей Чехословацкого государства (1918). В течение 30 лет он представлял его интересы сначала в качестве бессменного министра иностранных дел (1918–1935), а затем – президента. Бенеш – политик европейского масштаба. Он активно участвовал в деятельности Лиги Наций и избирался ее председателем. Эмигрировав на Запад после Мюнхена, Бенеш возглавил борьбу за восстановление республики в границах конца 1937 г. В послевоенной Чехословакии он содействовал утверждению строя, называемого им «социализированная демократия». На политическом пути Бенеша были не только блестящие победы, но и сокрушительные поражения. Споры о его личности не утихают до сих пор. В России нет крупных работ,

посвященных Бенешу. Настоящая книга – это взгляд российского историка-чехословакиста на видного европейского политика первой половины XX в. Особое внимание уделено отношению Бенеша к России, Советскому Союзу. Работа основана на материалах российских архивов, документах, опубликованных в России (СССР) и Чешской республике (Чехословакии), а также на известной автору российской и чешской исторической литературе.

Содержание

Кто вы, д-р Бенеш? 5
Глава 1 28
Глава 2 46
Глава 3 78
Конец ознакомительного фрагмента. 95

В. В. Марьина
Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884-1948

Кто вы, д-р Бенеш? (Вместо предисловия)

Историки, которые пытались, опираясь на архивные и опубликованные документы, воспоминания современников президента, существующую на этот счет литературу, создать портрет Бенеша как политического деятеля и человека, признают трудность выполнения поставленной задачи. «Когда я занимался его биографией, – пишет З. Земан, – мое отношение к Бенешу колебалось. Чрезвычайная похвала, которая раздавалась главным образом во время его нахождения у власти, загнала меня в ряды критиков Бенеша; в то же время острые нападки, которые появились преимущественно после 1989 г., вызвали во мне защитную реакцию. Как бы то ни было, писать о Бенеше как о политике, а, возможно, еще бо-

лее как о человеке, решительно нелегкая задача. До тех пор пока чехи будут интересоваться своим прошлым, личность Бенеша останется предметом споров»[1].

О неоднозначности и сложности фигуры Бенеша, противоречивости и, подчас, необъяснимости на первый взгляд его политики, пишет и известный чешский историк Карел Каплан: «Э. Бенеш относится к тем немногим политикам, которые несколько раз оказывались в ситуации, когда решалась судьба государства, а в случае Бенеша – государства, одним из созидателей и творцов которого он являлся. Его решения в сентябре 1938 г. и в феврале 1948 г. многие осуждают и считают Бенеша ответственным за трагическое развитие Чехословакии. Другие его защищают, поскольку эти судьбоносные решения президента понимают как неизбежные и как меньшее зло по сравнению с еще большей трагедией».

Ответ на вопрос о том, чем обуславливались позиции Бенеша на жизненно важных перекрестках республики, в большинстве случаев усматривается, как пишет Каплан, в «неправильной политической концепции, ошибочных предположениях, в излишних дипломатических калькуляциях, в личных особенностях и, не в последнюю очередь, в его болезни». «При этом недооценивается, – по мнению Каплана, исследовавшего последний год жизни президента, – что по-

---

[1] Глава написана по материалам книги: Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2002. S. 9-18.

литические шаги Бенеша отмечены и предопределены и самим положением малого, по сути, еще "нового" государства в центре Европы в период обостренной борьбы великих держав за овладение этим пространством». Тот же исследователь пишет: «Президент, который в 1938 г. покинул республику, утратив доверие большинства населения, в мае 1945 г. возвратился как политик, имеющий высокий авторитет, особенно в чешском народе. Всеобще признано, что он страдал мюнхенским комплексом. Из факта Мюнхена он сделал для внешней и внутренней политики некоторые выводы, которые стали составной частью его политического мышления, а затем и принципами его политической практики. С ними он возвратился снова на родину. Внешнеполитическая ориентация Бенеша на Советский Союз (следовало бы добавить: с одновременной ориентацией на Запад. – *В. М.*) была мотивирована, прежде всего, поведением западных союзников в 1938 г., а также ожиданием постоянной угрозы со стороны Германии»[2].

Личность Э. Бенеша, тридцать лет проведшего в политике и посвятившего ей всю свою сознательную жизнь, действительно трудно поддается объективной оценке. Для этого необходимо рассматривать его деятельность в контексте истории послеверсальской Европы, происходивших в ней политических процессов, менявшихся направлений внешней политики западных держав Англии и Франции, событий в

---

[2] Ibid. S. 12.

Германии, оправившейся от поражения в Первой мировой войне и взявшей курс на фашизацию, внутриполитического развития Советского Союза и его внешнеполитического курса; невозможно не учитывать интересы в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы всех упомянутых крупнейших «игроков» на европейской политической сцене, а также стремление руководителей молодого чехословацкого государства играть на ней достойную и значимую роль, не вступая, по возможности, в конфликты и осторожно ведя «чехословацкий корабль» меж рифов постоянно бурного европейского политического моря. А лоцманом этого «корабля» был Э. Бенеш, ученик и соратник первого президента ЧСР Т. Г. Масарика, который высоко оценивал его заслуги как в создании Чехословакии, так и в выработке ее внешнеполитической концепции. На протяжении 17 лет, с 1918 по 1935 г., Бенеш занимал пост министра иностранных дел в четырнадцати разных, сменявших за это время друг друга правительствах. Т. Г. Масарик видел в Бенеше своего преемника. В декабре 1935 г. он стал вторым президентом ЧСР, продолжая, по сути, руководить внешней политикой государства. Были ли ошибки и просчеты в его деятельности на этих постах? Как и у всякого долгое время практикующего политика, несомненно, были, в чем Бенеш, кстати, в силу особенностей своего непростого характера, либо не любил признаваться, либо не признавался вообще. Как правило, особой критике подвергаются решения, принятые им во

время мюнхенского кризиса 1938 г. и февральского кризиса 1948 г. Все десять лет после Мюнхена Бенеш пытался объяснить и оправдать свои действия (некоторые исследователи называют это «мюнхенским комплексом» или «мюнхенским синдромом» Бенеша), а также опровергнуть обвинения в предательстве, добровольной сдаче власти коммунистам в феврале 1948 г.

Ответ на вопрос о причинах принятых Бенешем судьбоносных решений следует искать в конкретно-политической обстановке того времени, и, прежде всего, во внешнеполитических факторах, расстановке сил на международной арене. На это обстоятельство также обратил особое внимание один из самых серьезных исследователей политики Бенеша в последние годы Йиндржих Деймек, подчеркнув минимальные возможности небольших государств, расположенных по соседству с тоталитарными (и, думается, вообще великими державами), отстаивать свою независимость, свою самостоятельную позицию, свои национальные интересы. Если рассматривать Мюнхен в свете великодержавной политики, считает Деймек, то он предстает «не только как крах чехословацкой государственной идеи или даже продукт личных ошибочных действий второго президента Чехословацкой республики, но гораздо более в виде общей проблемы существования небольших государств в Европе, как и на других континентах, если они (малые государства. – *В. М.)* становятся объектом своеволия более сильных соседей». Э. Бе-

неш, «как и большинство политических руководителей малых государств в Европе, временно отступил перед брутальным нажимом, однако благодаря своим систематическим дипломатическим усилиям в конце концов сумел добиться не только включения программы восстановления Чехословакии в планы Антигитлеровской коалиции, но, более того, [восстановления государства] в домюнхенских границах»[3].

Важно отметить, что Бенеш являлся не только политиком, но и ученым. Он считал, что политика должна проводиться на научной основе. Очевидно, к нему можно было бы применить современный термин «политолог». Наукой Бенеш стал заниматься даже раньше, чем политикой, проявив при этом особый интерес к социалистическим учениям[4]. Находясь на высоких государственно-политических постах, он продолжал научную деятельность[5].

Интерес к колоритной фигуре Э. Бенеша, политика не только чехословацкого, но и европейского уровня, был проявлен еще при его жизни. Благодаря своей политической и научной деятельности он стал популярен в стране, прежде

---

[3] Amerling K. Vzpomínky z gymnasia // 50 let Edvarda Beneše. Praha, 1934. S. 38 (Zeman Z. Edvard Beneš. S. 12).

[4] Единица – балл, соответствующий нашей пятерке.

[5] Социальный дарвинизм (социал-дарвинизм) – идейное течение в обществоведении конца XIX – начала XX в., которому свойственно сведение закономерностей развития человеческого общества к закономерностям биологической эволюции и распространение принципов естественного отбора, выявленных Чарльзом Дарвиным в природе, на отношения между людьми.

всего, в чешских землях, и известен мировой общественности. Достаточно широко отмечались его пятидесятилетие (1934) и шестидесятилетие (Лондон, 1944). Появившиеся тогда работы носили преимущественно, как и все юбилейные труды, хвалебный характер. Впрочем, некоторое представление о Бенеше как о человеке и политике можно почерпнуть и из характеристик, данных ему современниками. Конечно, нельзя не учитывать их субъективность, но оценки хорошо знавших Бенеша людей добавляют живых красок в его политический портрет. Вот каким видел президента знавший его многие годы Яромир Смутны, сотрудник и единомышленник (в главном) Бенеша, в эмиграции выполнявший обязанности начальника его канцелярии. Это – дневниковая запись марта 1940 г., не рассчитанная на широкое читательское внимание, и тем более ценная: «Бенеш – это выдающийся стратег и тактик, величайший Макиавелли нашего времени, но ему не дано привлечь массы, передать им ощущение радости от труда, сознание единства, совместной борьбы, страданий и радостей. Он не вызывает доверия. Инстинктивно люди, которые к нему приближаются, испытывают постоянное ощущение некоей недоговоренности, ощущение, что Бенеш использует их в каких-то своих планах, о которых им прямо не говорит. Люди уходят от него убежденными, но не привлеченными на его сторону, получившими уверения, но не полюбившие его. Это судьба всех эгоистов: люди считаются с ними, признавая их достоинства, но не лю-

бят их. Эгоисты внушают страх и послушание, но когда им плохо, они остаются вдруг в абсолютном одиночестве. И это потому, что когда у них все было хорошо, они не смогли понять других; это – возмездие в моменты их поражения… Мы признаем Бенеша, поскольку он выделяется среди нас своей интеллигентностью, упорством, работоспособностью», но «в его характере отсутствует все человеческое. Это – машина для размышлений и работы, без человеческих эмоций, но с человеческими слабостями… Я не встречался с человеком, который был бы Бенешу по-человечески предан. Я не встречал человека, который мог бы с ним поговорить по-человечески, поговорить о том, что может кого-то огорчать, радовать. Бенеша никогда это не интересовало, и это по отношению к любому. Нет, нельзя сказать, чтобы он не помогал, наоборот, он стремился в этом случае или дать денег (иногда из своих), или походатайствовать за кого-то». Но, по словам Смутного, «он бесчувственен по отношению к другим, как и по отношению к себе… У него нет личных потребностей, он скромен, не пьет, не курит… Ничего в нем не вызывает волнения, я ни разу не наблюдал блеск удовольствия в его глазах, когда он видел красивую женщину. Он никак не проявляет, и, вероятно, особенно не ощущает удовольствия от хорошей еды или напитка. Не курит. Ему не интересно куда-то ездить. Он не любит быть в обществе, любит видеть вокруг себя людей, с которыми можно говорить о политике, дискутировать с ними, но не считает нужным собирать вокруг себя

людей ради совместных развлечений. Политика для него – всё…». Я. Смутны отмечал, что, утратив человеческие контакты с людьми, Бенеш часто судит неверно, «когда у них играют роль иные, чем политические, мотивы»[6].

Сравнение Бенеша с Макиавелли, видимо, справедливо лишь отчасти. Как и итальянский политический мыслитель начала XVI в., который хотел видеть Италию сильным, целостным государством, Бенеш стремился сначала к созданию, затем к сохранению, а позже к восстановлению единого Чехословацкого государства и видел в этом единстве (как теперь ясно, ошибочно) залог его прочного будущего. Но, если Макиавелли полагал, что для достижения поставленной цели допустимы любые средства («цель оправдывает средства») и в политике возможно пренебрежение нормами морали («макиавеллизм»), то Бенеш, будучи демократом, выступал, по крайней мере, на словах, против интриганства и лукавства в политике, хотя критики зачастую обвиняют его именно в склонности к интригам и сокрытию правды. Возможно, отчасти это и справедливо: ведь дипломатам и политикам свойственны подобные приемы и методы работы. Во всяком случае, как ученый и теоретик Бенеш отвергал априори политический макиавеллизм и иезуитство, цинизм и аморальность, выступал за тождество целей политики и этики. «В демократии не может быть спора между политикой

---

[6] Beneš E. Několik slov o Masarikové vlivu na mládež // Česká mysl. XI. Č. 2–3. 1910. S. 211 (Zeman Z. Edvard Beneš. S. 13).

и нравственностью, – писал Бенеш, – демократия не признает и не может признавать принцип, что скверное политическое деяние, политическое мошенничество и политическая ложь могут быть оправданы патриотизмом и интересами народа или партии»[7]. Конечно, это были декларации. Не всегда они могли стать руководством к действию, о чем свидетельствуют исследования деятельности Бенеша как политика.

Тем не менее некоторые современники Бенеша ценили в его взглядах именно проповедь этих ценностей. Вот что писал по этому поводу ученый Феликс Уэлч: «Тесная взаимосвязь политики и правды – типичный признак политической школы Масарика. Чрезвычайно показательно, что он в качестве своего девиза избрал [выражение] "Правда побеждает". Отношение Бенеша к правде такое же». И далее он цитирует Бенеша: «Успех, конечный успех может прийти лишь там, где господствует честность, уважительность, правдивость. Но это не означает, что правда побеждает сама. Девиз "Правда побеждает" означает, что ради нее мы должны трудиться, ей помогать, за нее всегда и без устали бороться»[8].

Современники Бенеша, английские и американские политики и ученые, как явствует из материалов книги, подготовленной к его шестидесятилетию (1944), особое внимание об-

---

[7] Reichmann J. Dr. Edvard Beneš. Ministr zahraničních záležitostí republiky československé. Jeho život a dílo. Praha, 1919. S. 14 (Zeman Z. Edvard Beneš. S. 14).

[8] Ibid. S. 14.

ращали на краеугольный камень внешнеполитической деятельности Бенеша – достижение соглашения между Востоком и Западом и на роль Чехословакии в этом деле. Чехословакия должна, писал А. Тейлор, «познакомить западный мир с миром советским и советский мир с миром западным»[9]. Г. Томсон вторил ему: «Чехословаки чувствовали и чувствуют, что их миссия – быть мостом, связующим Запад со славянским Востоком, что они нерушимо связаны с Востоком и Западом и не могут повернуться исключительно в какую-нибудь одну сторону». Бенеш, отмечал Томпсон, с начала своей политической деятельности неустанно подчеркивал необходимость того, чтобы в мировом общественном мнении была признана миссия Чехословакии – соединить Восток с Западом в единое, дееспособное целое. В этом его не всегда понимали как его соотечественники, так и западные державы. Бенеш, однако, ни в благоприятные, ни в неблагоприятные времена не переставал утверждать, что Европа не может жить, будучи разделенной на две взаимно подозревающие друг друга половины». Еще в 1924 г. Бенеш заявлял: «Мы хотим помочь русскому народу и привести Россию как можно скорее как политического деятеля опять в Европу, так как без России не будет в Европе мира»[10]. Не правда ли, как свежо и современно звучат эти слова, как они точно накладываются на нашу действительность, для которой харак-

---

[9] Ibid. S. 16.

[10] Ibid. S. 17.

терно трудное налаживание диалога и сотрудничества между Россией и Западом?

Сетон Уотсон, называя Бенеша «великим европейцем», все же считал, что он, «как до него и Масарик, прежде всего, славянин, и поэтому восточник… Одновременно долголетняя традиция… связывает его с западными демократиями, с Францией, Великобританией и Америкой и укрепляет его в вере, что его народу суждено выполнить благородную миссию посредника и переводчика между обоими такими различными мирами, как славянский и англо-саксонский, которые, хотя иногда и ворчат друг на друга, но все же обречены на взаимопонимание, если хотят, чтобы Европа была защищена от немецкого тоталитаризма (имелся в виду гитлеровский режим. – *В. М.*)»[11].

О стремлении Бенеша сохранить равновесие между Востоком и Западом говорил и Брюс Локкарт, посол Англии в Чехословакии с 1919 по 1928 г., а затем – английский представитель при временном чехословацком правительстве в Лондоне (до лета 1941 г.). «Было бы большой ошибкой полагать, – считал он, – что, подписав договор с Россией (1943 г. – *В. М.*), он стал панславистом. Он умеет приспосабливать свою тактику, но никогда не изменит своим принципам и сегодня, как и в 1918 г., обращает взгляд к Западной Европе и еще далее на Запад через Атлантический оке-

---

[11] «Что и требовалось доказать» – латинское выражение, обозначающее завершение доказательства теоремы.

ан, чтобы найти соответствующее равновесие ради безопасности и самостоятельности своей родины»[12].

Чехословацкие коммунисты и во время, и в первые годы после войны, когда к власти пришло правительство Национального фронта чехов и словаков и началось строительство народно-демократического государства, находили общий язык с Бенешем, хотя их конечная цель была очевидна – раньше или позже установить свое монопольное господство в стране. Оно фактически и было установлено в феврале 1948 г. После смерти Бенеша, в разгар холодной войны и на пике международной напряженности появились резко критические и очернительные оценки Бенеша, грубо искажающие его деятельность. Вот как писал о нем чешский историк В. Крал: «Целью политики чешской буржуазии и ее агента Бенеша накануне Мюнхена было принесение Чехословакии в жертву гитлеровской агрессии, чтобы можно было уничтожить Советский Союз. Целью политики Бенеша была капитуляция перед Гитлером»[13]. Характеристика второго президента ЧСР, свойственная работам 1950-х гг., кратко сводилась к следующему: это государственный и политический деятель, проводивший антисоветскую и антинациональную политику, ориентировавшийся на сотрудничество с западны-

---

[12] Peroutka F. Budování státu. Praha, 1934. Sv. 2. Č. 2. S. 1309 (Zeman Z. Edvard Beneš. S. 17).

[13] Foustka B. Mladý dr. Brneš // 50 let Edvarda Brneše. S. 52–53 (Zeman Z. Edvard Beneš. S. 17).

ми империалистическими державами, в годы войны действовавший в соответствии с планами Англии и США, а после освобождения Чехословакии поддерживавший реакционные силы и контрреволюцию в стране. Так характеризовался Бенеш и в СССР[14]. Историки, как советские, так и чехословацкие, смотрели тогда на него через призму классово-идеологического подхода, ставя при этом во главу угла отношение Бенеша к коммунизму, марксизму-ленинизму, идеям социализма в их сталинской интерпретации, советскому строю, который он не принимал как целое, но в котором, кстати говоря, усматривал и ценные, достойные для заимствования в процессе совершенствования западной демократической системы, элементы.

Грубое очернительство, присутствовавшее во взгляде на роль Бенеша в истории Чехословакии, в 60-е гг., когда страна шла по пути подготовки «Пражской весны», сменилось попытками более объективно оценить эту роль. Определенными шагами в этом деле стали две объемные, основанные на огромном архивном материале книги Яна Кржена «В эмиграцию» и «В эмиграции», в которых много места отводится деятельности Бенеша в 1938–1940 гг. как центральной фигуры западной чехословацкой эмиграции. Я. Кржену принадлежала и серьезная статья, анализировавшая позиции Бене-

---

[14] Beneš E. Světová válka a naše revoluce. Praha, 1927. Díl 1. S. 1,14 (Zeman Z. Edvard Beneš. S. 18).

ша в годы Второй мировой войны[15]. Мария Лвова рассмотрела в своей книге политику президента в период Мюнхена[16]. Однако успешно начатая в 60-е гг. прошлого века разработка темы, касающейся места и роли Бенеша в истории Чехословакии, прекратилась после подавления «Пражской весны». Никак в ЧСР в 1984 г. не было отмечено и столетие со дня его рождения. Зато в декабре 1985 г. в Нью-Йорке состоялась научная конференция, посвященная этой дате. Ее материалы были напечатаны сначала в американском журнале «Космас»[17], публиковавшем исследования по Чехословакии и странам Центральной Европы, а затем перепечатаны в 1988 г. нелегальным чехословацким изданием «Исторические исследования»[18]. В конце 1990–1991 г. чехословацкий военно-исторический журнал в рамках дискуссии о личности Бенеша познакомил и широкую научную общественность с этими материалами[19]. Как представляется, именно в ходе указанной дискуссии обозначились направления последующих исследований проблематики, связанной с именем Бенеша. Поэтому остановимся на дискуссии более подробно. Ее участники по-разному подходили к личности Бе-

---

[15] Křen J. Do emigraci. Buržoazní zahraniční odboj. 1938–1939. Praha, 1963; Idem. V emigraci. Západní zahraniční odboj. 1939–1940. Praha, 1969; Idem. Dr. Beneš za války // Československý časopis historický. 1965. N 6.

[16] Lvová M. Mnichov a Edvard Beneš. Praha, 1968.

[17] Kosmas, Journal of Czechoslovak and Central Europian Studies. Vol. 5.1986. N 1.

[18] Historické studie. Č. 23. Červen 1988.

[19] Historie a vojenství. 1990. N 6; 1991. N 4.

неша, отмечая, как сильные, так и слабые стороны его деятельности. В основном положительно оценивалась роль Бенеша в создании Чехословацкого государства и его работа на посту министра иностранных дел; более сурово и пристрастно разбирались итоги последнего десятилетия политической деятельности президента и особенно его действия в период Мюнхена и в феврале 1948 г. Бенеша упрекали и критиковали за то, что сначала он не смог и не захотел воспротивиться агрессии гитлеровской Германии, предпочтя капитуляцию, а затем спасовал перед натиском коммунистов и Москвы, за то, что, будучи президентом, он дважды «не сумел защитить демократию и свободу от агрессивности великодержавного соседа»[20].

Особое внимание привлекла политика Бенеша в период мюнхенского кризиса. Следует отметить, что нападки на принятое им тогда решение начались фактически сразу после Мюнхена и продолжаются по сей день. Причем осуждали действия Бенеша не только его враги – а таких было немало, – но и многие из его сторонников и сподвижников. На сторонников и противников Бенеша разделились и участники указанной дискуссии. Каждая из сторон приводила уже неоднократно высказывавшиеся аргументы и контраргументы. Например: народ был един в своем стремлении защищать страну – единство народа в решимости начать войну

[20] Klimek A. Edvard Beneš – postava v mlhách // Historie a vojenství. 1991. N4. S. 146.

преувеличено, существовали достаточно мощные социальные и политические силы, не желавшие этого; чехословацкая армия была оснащена новейшим вооружением и могла, как считало ее командование, противостоять гитлеровским войскам, опираясь на энтузиазм народных масс – среди генералитета не было единодушия в вопросе вооруженного отпора агрессору, среди 1,5 млн мобилизованных в армию было 300 тысяч немцев и 100 тысяч венгров, и неизвестно, как бы они повели себя во время войны, германские войска по своей ударной мощи превосходили чехословацкие вооруженные силы; в войне против Германии Чехословакия могла опереться на Советский Союз, который готов был оказать ей военную помощь – реальная советская помощь была проблематична: при отсутствии общих границ, нежелании Польши пропустить Красную Армию через свою территорию, физической невозможности переброски советских воинских частей через Румынию, наконец, вследствие слабости Красной Армии, обусловленной проводимыми в ней «чистками» и незавершенностью перевооружения, «только безграничный оптимист мог придавать какое-либо серьезное значение этим союзническим отношениям»[21].

«Защитники» Бенешаполагали, чтоонбыл политиком-реалистом, безусловно, взвесившим все «за» и «против» вооруженного столкновения с агрессором. Кроме всего проче-

---

[21] F. Gregoři Campbell. Ztracené sny Edvarda Beneše // Historie a vojenství. 1990. N 6. S. 109.

го, он учитывал, что не всегда делали его оппоненты, и сложившуюся международную ситуацию. Бенеш хорошо понимал, что вступление Чехословакии в военный конфликт с Германией означало бы начало войны и войны не локальной, а, по меньшей мере, европейской. Осознавая это, мог ли Бенеш пойти на такой шаг? Локализовать конфликт не удалось бы, и мир был бы втянут в войну, которой он так опасался и к которой не был готов. Английская и французская общественность ликовала, приветствуя мирное разрешение конфликта. Политика умиротворения агрессора, конечно, за счет других, прежде всего малых государств, казалась ей тогда меньшим злом, чем пожар новой мировой войны. Всего этого не мог не видеть и не учитывать Бенеш, принимая решение подчиниться «мюнхенскому диктату». Действия президента в сентябре 1938 г., как и в феврале 1948 г., писал А. Климек, нужно рассматривать в международном контексте, в их глобальной взаимосвязи и взаимообусловленности, следует видеть, что «самые настойчивые усилия Бенеша, главы относительно малого, расположенного в чреватом кризисами центре Европы государства, не могли принципиально изменить соотношение сил»[22].

Как истинный демократ, всегда искавший и выбиравший пути мирного решения конфликтов, Бенеш предпочел, чтобы его страна принесла жертву на алтарь дела мира, но вы-

---

[22] Klimek A. Edvard Beneš – postava v mlhách // Historie a vojenství. 1991. N4. S. 146.

играла морально в глазах той же мировой общественности. Таков был его выбор. Это решение можно принимать или не принимать, одобрять или осуждать, но сам Бенеш никогда не каялся в содеянном, не считал сделанный шаг ошибочным. Самым страшным злом он считал кровопролитие (тем более напрасное), всегда старался избежать его, в том числе и в феврале 1948 г. Из двух зол, руководствуясь здравым смыслом и политическим чутьем, Бенеш выбирал меньшее. В конце концов, перед таким выбором оказывались и другие чехословацкие политики, попавшие в схожую ситуацию. Теорией «меньшего зла», здравым смыслом («плетью обуха не перешибешь») руководствовался, например, Людвик Свобода, когда отдавал приказ, чтобы чехословацкая армия не оказывала сопротивления войскам «союзников», вторгшимся в страну в августе 1968 г. для подавления свободомыслия в ЧСР. Эти же соображения двигали и рукой Александра Дубчека, подписывавшего так называемый «Московский протокол». Его объяснения своих действий аналогичны тем, которые в свое время звучали из уст Бенеша. И демократ Бенеш, и творец «социализма с человеческим лицом» Дубчек руководствовались одним стремлением: избежать напрасного кровопролития. В конце 1991 г., отвечая на нападки своих оппонентов, Дубчек говорил: «Проявлять героизм перед лицом мира без надежды на успех и ценой тысяч человеческих жизней я и сегодня считаю неприемлемым… Собственной жизнью распоряжаться просто, тяжелее

решать вопрос о жизни и смерти других. Поверьте, здесь были бы десятки и тысячи людей, утопленных в крови. Сегодня я больше, чем в ту пору, убежден: выиграть мы могли только морально. Вооруженный отпор, за который ныне многие ратуют, был бы авантюрой и самоубийством»[23].

Так или примерно так мог рассуждать и Бенеш, принимая решение в трагические для Чехословакии «мюнхенские дни». И хотя президент был уверен в правильности решения, он шел к нему через большие душевные муки и колебания, понимая, что сделанный им шаг будет непопулярен. Подчинение «мюнхенскому диктату» шло вразрез с национально-государственными интересами страны, оскорбляло национально-патриотические чувства, порождало пессимизм и уныние в обществе. С решением Бенеша не согласились и многие его сторонники, оказавшиеся впоследствии в эмиграции. Так, например, Л. Рашин заявил: «Мы должны были защищаться.

Мы сами отступили… К чужой трусости мы добавили свою. Правда, что другие предали нас, но мы предали сами себя»[24]. Необходима, как полагал А. Климек, справедливая оценка личности Бенеша и его бесспорных огромных заслуг, однако, по его мнению, «медвежью услугу» при этом могла бы сыграть и его «слепая защита»[25].

---

[23] Правда. 3 декабря 1991.

[24] Fiala J. Ještě dr. Edvard Beneš a Mnichov // Historie a vojenství. 1991. N 4. S. 154.

[25] Klimek A. Edvard Beneš – postava v mlhách // Historie a vojenství. 1991. N4.

Чехословацкая историография последнего двадцатилетия в оценке деятельности Бенеша так же противоречива, как и взгляды участников вышеуказанной дискуссии. Спор продолжается. Написаны десятки статей, проведено много научных конференций, в том числе и международных, опубликованы неизвестные ранее документы, касающиеся внешней политики Чехословакии, мемуары, монографии. К сожалению, не все эти материалы, в условиях затрудненного в последнее двадцатилетие книгообмена, доходят до российского читателя. В 90-е гг. прошлого века появились монографии о Бенеше, написанные как чешскими, так и английскими авторами[26]. Внимание к его персоне не исчезло и в XXI в. Деятельности Бенеша в годы эмиграции посвятили свои книги Ян Куклик и Ян Немечек[27]. Чрезвычайно критическим взглядом на политику президента в 1938–1945 гг. отмечена книга Томана Брода[28]. Самая полная политическая биография Бенеша в двух книгах написана, пожалуй, Йиндржи-

---

S. 146.

[26] Havliček F. Edvard Beneš – člověk, sociolog, politik. Praha, 1991; Simmons M. Nesmělý prezident. Praha, 1993 (перевод с английского, Лондон, 1991); Kaplan K. Poslední rok prezidenta. Edvard Beneš v roce. 1948. Praha, 1993; Ort A. Dr. Edvard Beneš – evropský politik. Praha, 1993; Zeman Z., Klimeš A. The Life of Edvard Beneš 1884–1948: Czechoslovakia in Peace and War. Oxford, 1997.

[27] Kuklík J. Mýty a realita tzv. Benešových dekretů: Dekrety prezidenta republiky 1940–1945. Praha, 2002; Kuklík J., Němeček J. Proti Benešovi!: Česká a slovenská protibenešovaká opozice v Londýně 1939–1945. Praha, 2004.

[28] Brod T. Osudný omyl Edvarda Beneše: 1939–1948: Československá cesta do sovětského područí. 2 výd. Praha, 2002.

хом Деймеком[29]. Опубликованы мемуары Бенеша[30], многие его выступления, связанные с деятельностью и личной жизнью президента документы, воспоминания о нем[31]. Впервые увидела свет (на английском языке) книга Бенеша «Падение и возрождение нации», написанная им в Лондоне в стремлении привлечь англо-американскую общественность к идее реконструкции Чехословакии. Тогда работа не была издана из-за возражений английского МИД и долгое время хранилась в архиве[32]. За два десятилетия существования Чешской республики состоялось несколько международных конференций, посвященных Бенешу. Например, в 110-ую го-

---

[29] Dejmek J. Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata. Díl 1. Revolucionář a diplomat (1884–1935). Praha, 2006; Idem. Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata. Díl 2. Prezident Republiky a veduce národního odboje (1936–1948). Praha, 2008.

[30] Beneš E. Paměti 1938–1945. Sv. 1–3. Praha, 2008.

[31] Beneš E. Nezveřejněné projevy prezidenta Beneše: Rok 1946. 1–2. Praha, 1995; Beneš E. Odsun němců z Československa. Výbor z Paměti, projevů a dokumentů 1940–1947. Praha, 1996; Beneš E. Vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války. Praha, 1996; Pecháček J., Masaryk, Beneš, Hrad: Masarykovy dopisy Benešovi. Praha, 1996; Beneš E., Benešová H. Listy důvěrné: Vzájemná korespondence Hany a Edvarda Benešových. Praha, 1996; Beneš E. Živý odkaz T.G. Masaryka: Projevy 1937–1947. Praha, 1997; Depeše z padesáti zahraničních cest Beneše. 1919–1928 / Beneš Edvard. Praha, 2000; Cirkularni telegramy 1920–1935: Z dokumentů archivu Min. zahraničních věci České Republiky / Beneš Edvard. Praha, 2002; Prezident Beneš v letech 1935–1938: studie a edice dokumentů. Praha, 2008; Smutný J. Svědectví prezidentova kancléře. Praha, 1996; Čapek K. O Edvardu Benešovi. Praha, 2000.

[32] Beneš E. The Fall and Rise of a Nation: Czechoslovakia 1938–1941 / Ed. Milan Hauner. New York Columbia University Press, 2004.

довщину со дня его рождения в Праге прошли конференции на темы: «Эдвард Бенеш – чехословацкий и европейский политик» и «Эдвард Бенеш и Центральная Европа»[33]. В октябре 2011 г. чешские и немецкие ученые представили взгляд на Бенеша, существующий в политических, дипломатических и интеллектуальных кругах, в средствах массовой информации.

В России нет крупных работ, посвященных Бенешу, хотя о его деятельности непременно говорится во всех трудах, касающихся чехословацкой проблематики 1918–1948 гг. Настоящая книга – это взгляд российского историка-чехословакиста на Эдварда Бенеша, человека, определявшего внешнеполитический курс Чехословакии в течение тридцати лет. Особое внимание обращено на отношение Бенеша к Советскому Союзу. Работа основана на материалах российских архивов, опубликованных в России (СССР) и Чешской республике (Чехословакии) документах, известной автору российской и чешской исторической литературе.

---

[33] Edvard Beneš – československý a evropský politik. Praha, 1994; Edvard Beneš a střední Evropa. Praha, 1994.

Глава 1
Детство. Юность. Поиск собственного «я»

При крещении Бенеш получил имя Эдуард. Позднее он избрал другую форму своего имени и начал подписываться как «Эдвард». Почему? Объяснений на этот счет нет. Может быть, по тем же лингвистическим законам, по которым немецкое имя Карл преобразовалось в чешское имя Карел или в словацкое Карол? Или еще проще: случайно латинская буква «и» в имени Eduard была написана как латинская «v»? А может быть, имя Эдвард легче в произношении, чем Эдуард? А может быть, имя Эдвард просто больше нравилось его носителю? А может быть, так называли мальчика его сверстники? Гипотез много, но ответить на вопрос о причинах изменения формы имени пока невозможно, как неясно и то, когда Эдуард стал зваться Эдвардом.

Эдуард (Эдвард) Бенеш родился 28 мая 1884 г. в Кожланах (Краловицкий округ в Западной Чехии), в бедном сельскохозяйственном крае, население которого нередко в поисках заработка вынуждено было эмигрировать. Шесть поколений рода Бенешей жили в небольшом местечке Шловице, где родственные узы связывали один дом с другим, и обе его ветви, по мужской и женской линиям, именовались одина-

ково. Корни Бенеша теряются в XVII в., в сумятице Тридцатилетней войны. До революции 1848 г. его предки были крепостными, потом – крестьянами католического вероисповедания.

Отец Эдварда Матей был трудолюбивым, замкнутым человеком, который превратился по меркам своего времени в успешного торговца[34]. При небольшом хозяйстве он наладил производство кирпича и его транспортировку; прикупал земельные угодья, надеясь при их обработке на свою многочисленную семью, которая всячески ему помогала. В начале 80-х гг. XIX в. Матей Бенеш имел пару лошадей и новое кирпичное строение для торговли различными товарами с годовым оборотом две-три тысячи австрийских крон. Его усердие было вознаграждено тем, что он стал членом административного совета пивоварни, где уважаемые граждане принимали важные решения, касавшиеся качества местного пива. Он доверял, прежде всего, себе самому, а к начальству и властям испытывал общее уважение. Был умеренно набожен, как и большинство его соседей. Матей был самоучкой, поскольку во времена его детства посещение школы считалось не особенно важным; подписывался иногда «Benesch».

Жена Матея Анна, дочь соседа его родителей в Кожланах Яна Бенеша, была двоюродной сестрой Матея. Набожная и трудолюбивая женщина, на три года старше мужа, она мог-

---

[34] Глава написана по материалам книги: Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2002. S. 9-18.

ла в случае необходимости взять на себя управление хозяйством. Три дня спустя после рождения Эдуарда ей исполнилось 44 года. Он был десятым ребенком в семье, в которой двое детей умерли.

Каждодневная изнурительная работа от зари до зари приносила определенные материальные плоды, хотя успех Матея Бенеша никоим образом не сказался на семейной бережливости. Маленький Эдуард, которого звали Эдик, рано должен был привыкнуть к жесткой дисциплине, что диктовало необходимость повседневной экономии и отказа от собственных желаний. Бережливость сказывалась на всем быте семьи, начиная от преждевременного гашения керосиновых ламп и кончая необычайной умеренностью в питании. Сестры Эдика опекали брата с огромной ответственностью, а Анна Бенешова без колебаний прибегала к телесным наказаниям. При этом она часто пользовалась половником или тем, что попадалось на кухне под руку. Но при этом Анна не была злой, наоборот, обладала веселым характером, несмотря на то, что у ее работящего молчаливого мужа не оставалось времени для семьи и полного детьми дома.

Эдик был маленького роста и в раннем детстве несколько полноват. Поэтому он стал подходящей мишенью для непрестанных насмешек своих сверстников. Дома на его жалобы мало кто обращал внимание, и он начал сторониться ребят своего возраста. Постепенно он превратился в необщительного, замкнутого ребенка, что вовсе не способствовало ро-

сту его популярности среди одноклассников. Большую часть времени он проводил за учебой, иногда, но редко, отправлялся порыбачить, поскольку даже самый младший из детей семьи Бенеша не смел бездельничать. Надо было помогать в торговле, в кирпичном производстве, в поле. Успеваемость в школе была хорошей, поскольку за его успехами крылся упорный труд. Когда речь заходила об обучении детей, экономные родители Эдика, не колеблясь, выделяли на эти цели определенные, хотя и скромные средства. Старшие братья Эдика Вацлав и Войта стали учителями и слыли вольнодумцами и социалистами. Они не были согласны с планами матери относительно их младшего брата, которые заключались в том, что он станет священником. Однако религиозное воспитание на мальчике никак не сказалось, и Эдик никогда не находил в вере утешения. В гимназии Бенеш считал себя «почти атеистом». В смене мировоззрения ему помог не только тогдашний исторический образ гуситского движения, но также его импульсивный брат Войта, который пытался выбить из маленького Эдика остатки еще сохранившейся в нем религиозности с помощью кнута.

В 1896 г. двенадцатилетний Эдуард переехал в Прагу, где был принят в Виноградскую гимназию. Старшие сыновья Матея Бенеша Вацлав и Войта, уже жившие в столице, должны были помочь Эдику приспособиться к новым условиям жизни. Он поселился в доме Вацлава на Вршовицах. Вацлав, старше Эдварда на 12 лет, являлся тогда одним из лидеров

чешского учительства, высоко ценимого в то время чешской общественностью. Помимо преподавания Вацлав занимался редактированием и изданием книг и стал таким образом членом круга реалистов, небольшой политической партии, основанной Т. Г. Масариком. Позднее Вацлав Бенеш перешел в социал-демократическую партию и несколько раз безуспешно выставлял свою кандидатуру на парламентских выборах.

Приехав к брату в Прагу, Эдуард быстро адаптировался к новой среде и нашел для себя новые увлечения. В доме Вацлава было полно политических брошюр прогрессивной или социалистической направленности, и Эдуард мог ими свободно пользоваться. Вацлав, который предпочитал спартанское воспитание молодежи, имел опыт общения с младшими братьями. Войта, родившийся в 1878 г., прибыл в Прагу еще до Эдика. Несмотря на разные характеры, оба младших брата в доме Вацлава сблизились. Войта был романтичнее и эмоциональнее Эдика и имел склонность к литературе. Эдуард отличался собственными, рационально очерченными интересами, касавшимися главным образом политики. Войта, вскоре понявший, что Эдик необычный, обладавший пока скрытыми талантами мальчик, привык играть в отношениях с братом вторую скрипку.

К одноклассникам Эдуард относился с опаской, и, по-видимому, у него не было никаких действительно хороших друзей. На окружавших его людей он производил скорее впе-

чатление аскета: не пил, не курил, не интересовался девушками. В Праге он вел пуританскую и замкнутую жизнь. В первые два года учебы в гимназии Бенеш числился одним из самых лучших учеников, но позже его успехи стали менее заметны. Он оживал во время каникул, когда возвращался домой в Кожланы. Играл в любительском театре, ходил на танцы, принимал участие в национальных празднествах и экскурсиях. Как гимназист читал в кожланском доме культуры лекции: о дарвинизме, о современном воспитании молодежи, о необходимости просвещения в вопросах половой жизни. Спустя годы Бенеш в частной беседе упомянул о том, с какой радостью он разговаривал с девушками и как он «постоянно был платонически влюблен». Но к этому он добавлял, что его отношение к девушкам оставалось «платонически чистым и прекрасным», а беседы с ними он якобы использовал для пропаганды своего прогрессивного мировоззрения. В молодости Эдуард был довольно категоричен: когда он впоследствии, уже находясь в Париже, попросил брата Войту прислать ему какие-нибудь красивые картины для стен его комнаты, то объяснил, что не хочет заполнять ее видами «этой французской наготы». Теории Зигмунда Фрейда, тогда широко распространенные среди европейских интеллектуалов, его вообще не занимали[35].

Во время учебы в Праге Эдуард постоянно вызывал недовольство своих учителей. Он слыл вздорным бунтарем, на-

---

[35] Ibid. S. 12.

смехающимся над консервативными взглядами старшего поколения. Отношение к Бенешу в школе ухудшилось, когда он сломал ногу, играя в юниорской команде «Славия»: школьное начальство в то время строго запрещало играть в футбол. Эдуард таким образом лишился стипендии и получил пониженную оценку по поведению. Кроме того, он еще оскорбил своего классного наставника при встрече на улице. Чтобы избежать неприятной встречи, Эдуард вскочил в трамвай. Преподаватель на следующий день сделал ему выговор, на что Бенеш реагировал только усмешкой. Поведение Бенеша было расценено как насмешка, и преподаватель сказал ему: «Вы грубиян, бросайте учебу, из вас никогда ничего путного не выйдет… Я вам советую идти в армию, дослужитесь через двенадцать лет до фельдфебеля, а затем в качестве младшего клерка займете место в какой-нибудь финансовой конторе, суде или на почте, там вам будет хорошо» [36].

Э. Бенеш был хотя и вздорным, но вполне разумным юношей. Несмотря на запреты школьного начальства, он считал спорт необходимой составной частью современной жизни. В школе он был прилежен и целеустремлен, хотя обучение в гимназии, ограниченное традиционными рамками, наводило на него скуку. Как только его французский язык стал сносным, он начал переводить один из романов Э. Золя («Zabiják») и брать уроки французского в Академической

---

[36] Amerling K. Vzpomínky z gymnasia // 50 let Edvarda Beneše. Praha, 1934. S. 38 (Zeman Z. Edvard Beneš. S. 12).

гимназии. В этом Эдуарду помог профессор Масарик, который знал его брата Вацлава еще во время деятельности последнего в руководстве партии реалистов. Школьная успеваемость Эдуарда все ухудшалась, так что в его аттестате не было даже ни одной единички[37]. Однако он лелеял чрезвычайно амбициозные планы на будущее: хотел получить квалификацию преподавателя-лингвиста еще до того, как станет профессором университета и начнет политическую деятельность. Осенью 1904 г. Бенеш стал студентом Философского факультета чешского Университета Карла-Фердинанда. Неформальная атмосфера высшей школы ему импонировала, интерес Бенеша к учебе возрос, и его успеваемость улучшилась.

В августе 1905 г. Э. Бенеш уехал в Париж. Как и его брат Войта, Эдуард разделял социал-демократические взгляды и стал сторонником социального дарвинизма[38], что сыграло важную роль как в его характере, так и в жизни. Он считал общество равнодушным, если не прямо жестоким по отношению к его более слабым индивидам, отчаянно борющимся за выживание. В таком обществе, по его мнению, не было места ни дружбе, ни солидарности, и невелик был простор

---

[37] Единица – балл, соответствующий нашей пятерке.

[38] Социальный дарвинизм (социал-дарвинизм) – идейное течение в обществоведении конца XIX – начала XX в., которому свойственно сведение закономерностей развития человеческого общества к закономерностям биологической эволюции и распространение принципов естественного отбора, выявленных Чарльзом Дарвиным в природе, на отношения между людьми.

даже для проявления обычных дружеских чувств. В Париже Э. Бенеш посещал лекции в Сорбонне. Он провел там академический 1905/06 г., а затем еще семестр. В Праге он записался на летний семестр 1907 г., но, представив соответствующие объяснения, переписался на следующий семестр. Недолго обучался в Германии, и летний семестр 1908 г. рассматривался в Карловом Университете как семестр, который Бенеш провел, постигая науки, в Берлине; кроме того, во время каникул он дважды побывал в Англии. Свое обучение философии Бенеш завершил двумя семестрами в Праге. Осенью 1908 г. Масарик предложил Бенешу защитить работу по философии и социологии: оба тогда еще едва ли могли себе представить, какие тесные отношения свяжут их впоследствии. Еще в 1910 г., когда Масарик отмечал шестидесятилетие, 23-летний Бенеш написал, что из-за своего характера вынужден был «противиться взглядам и влиянию Масарика»[39]. Его взгляды Бенеш тогда считал чересчур религиозными и недостаточно социалистическими. В 1908 г. он получил диплом доктора философии, и стал подписываться «д-р Э. Бенеш» (Dr. E. Beneš).

Бенеш ценил время и не любил посещать лекции, содержавшие только информацию, которую легко можно было почерпнуть из книг. Во время пребывания заграницей Бенеш старался расширить свои знания. С места на место он пере-

---

[39] Beneš E. Několik slov o Masarikové vlivu na mládež // Česká mysl. XI. Č. 2–3. 1910. S. 211 (Zeman Z. Edvard Beneš. S. 13).

езжал гораздо чаще, чем это было принято тогда у студентов, и на свои заграничные поездки должен был зарабатывать. Например, в 1907 г. социал-демократическая газета «Право лиду» и некоторые другие радикальные и антиклерикальные газеты опубликовали около ста статей Бенеша, за которые он получал соответствующие гонорары. Статьи Бенеша для газет и журналов, как правило, были длинными или печатались с продолжением. Они отражали его непосредственные, свежие впечатления, но без какого-либо умиления увиденным заграницей. Бенеш был склонен к морализированию и без обиняков осуждал чуждую ему среду. Но он писал для читателей, которым нравились его критические суждения; среди них было много фабричных рабочих, не имевших собственного опыта знакомства с зарубежными странами. Англия, Франция и Германия являлись для них далекими неизвестными странами, куда молодой Бенеш отправлялся, чтобы поделиться с ними своими впечатлениями. Редакторы газет и журналов, в которых Бенеш публиковался, были довольны его работой, и он сам по собственному желанию изъездил большую часть Европы.

Германия не пришлась ему по душе, а Англия – просто разочаровала. «Ситуация тут ужасная, как и жизнь – здесь потребляют весьма крепкий алкоголь…», – писал он из Лондона[40]. Германию же он считал неприемлемой «империей

---

[40] Reichmann J. Dr. Edvard Beneš. Ministr zahraničních záležitostí republiky československé. Jeho život a dílo. Praha, 1919. S. 14 (Zeman Z. Edvard Beneš. S. 14).

насильственного принуждения», в которой немцы развивают свои природные стадные инстинкты. Лишь Франция стала его великой любовью. Особенно нравился Бенешу «город света» (světel) Париж, который, по его мнению, представлял собой «синтез современной цивилизации, носителем которой является Франция». Он восхищался этой страной, в которой видел прекрасный пример успешного национального государства. И это восхищение породило в нем чувство национальной неполноценности. После нескольких месяцев пребывания в Париже он написал брату Войте: «Ты ужаснулся бы, если бы знал, как тут смотрят на чехов – или, собственно, не смотрят – вообще никто, *нас вообще никто не знает, не знает о нас ничего.* А кто нас знает, знает нас лишь как несчастных, бедных обывателей». Эдуард хотел в ту пору посетить Россию. Это было время первой русской революции 1905 г., и в Париже было полно русских эмигрантов, с которыми он был знаком и которые рассказывали ему о России. Они говорили, как писал Бенеш, что и «проживающие в самых отдаленных местах русские о нас знают, знают, что мы живем в Австрии, что мы рьяные националисты… Они смотрят на нас, как на униженных людей – и, видимо, по праву»[41].

Эдуард стал подумывать о карьере журналиста, хотя политические амбиции никогда его не оставляли. Бенеш принял решение просить университет в Дижоне, который толерант-

[41] Ibid. S. 14.

но относился к обучению на степень доктора, допустить его к учебе на юридическом факультете. В июне 1908 г. Бенеш представил свою дипломную работу о чешском вопросе в Австро-Венгрии *(Le probleme autrichien et la question tchèque. Etudes sur les luttes politiques des nationalités slaves en Autriche),* в которой утверждал, что это государственное образование могло бы выжить при условии его реформирования, т. е. децентрализации и демократизации, и, главное, при условии принятия во внимание существования отдельных населяющих его народов. Карлов Университет однако отказался признать иностранный диплом Бенеша. Он попытался изучать право сначала, в 1909 г., на чешском отделении Университета, а потом, в 1913–1914 гг., на его немецком отделении. Однако юридическое образование ему не удалось завершить.

Хотя Бенеш был тесно связан со своей чешской средой, он никогда не отгораживался от внешних влияний, причем самым подходящим считал французское. Он полагал, что прогрессивное развитие, начатое Французской революцией, не остановится и постепенно затронет и угнетенные народы. Революция принесла свободу и демократию, фундаментом которой, по Бенешу, являлось равенство, возможно, даже более важное, чем свобода. Именно где-то в этом заключалась суть «чешства» Бенеша. Он принадлежал к развивающемуся среднему классу, который стремился найти и определить свое место в обществе. Общественное и национальное честолюбие сливались в единый бурный поток. Возникающий

чешский средний класс ощущал твердую уверенность местных немцев в своем экономическом и политическом превосходстве, и поэтому борьба по меньшей мере за равноправие достигала такой интенсивности, что стала оказывать влияние на все стороны чешской жизни. Существовали чешские и немецкие театры и концертные залы. Пражские банки, которые проводили операции на международном рынке в Лондоне или Париже, также делились на чешские и немецкие. Некоторые из чешских интеллектуалов, в том числе и Томаш Гарриг Масарик, полагали, что чехи ушли бы гораздо дальше в своем развитии, если бы не должны были прилагать столько усилий, чтобы оставаться чехами.

Заботы о создании современного чешского среднего класса требовали немалых усилий. Если Бенеш хотел избавиться от своей провинциальности и хорошо узнать мир, он должен был выучиться иностранным языкам, что для многих чехов стало непреодолимым препятствием. Бенешу тоже никогда не удалось полностью овладеть ими.

Бенеш надеялся стать в Праге редактором «Права лиду», хотя в то время он уже отошел от социал-демократических позиций. Всю свою жизнь он считал себя социалистом, но социалистом «без догм». Тезис о классовой борьбе был ему не по душе, и в письме к брату Войте от 28 июля 1908 г. он писал, что намерен «пресекать именно эту классовую травлю, показать абсурдность всей этой тактики»[42]. Он не счи-

[42] Ibid. S. 16.

тал нужным заранее ставить специфические социалистические цели, поскольку полагал, что со временем они меняются. Более всего, как пишет З. Земан, Бенешу претил догматический подход «боевого стада», объединенного в немецкой социал-демократии. Он симпатизировал начавшимся в ней дискуссиям между Эдуардом Бернштейном и правоверными марксистами, которые означали важный шаг на пути к рождению недогматической социалистической партии. Чешскую же социал-демократию отличала определенная враждебность в отношении «движения вольнодумцев». Поэтому Бенешу, вопреки его ожиданиям, не было предложено место редактора «Права лиду».

К тому же ему не удалось достичь даже скромной цели: получить аттестат преподавателя средней школы. Он не выдержал экзамена, о котором студенты говорили, что он более труден, чем экзамен на звание доктора, присуждаемое по окончании высшего учебного заведения. С осени 1909 г. до своей эмиграции в 1915 г. он как адъюнкт-профессор преподавал французский язык и экономику в пражской торговой академии, получая низкую зарплату. Министерство школ в Вене несколько раз продлевало специальное разрешение, дававшее возможность молодому Бенешу заниматься преподавательской деятельностью. Однако в марте 1911 г. он получил особое пособие министерства на поездку во Францию и Англию, и сосредоточился на изучении социологии и политологии. Следует добавить, что Бенеш принадлежал к поко-

лению, очарованному расцветом естественных наук. Достижения ученых, особенно в области физики и химии, как в теории, так и на практике удивляли всех мыслящих людей. Английское слово «scientific» относилось тогда исключительно к естественным наукам, понятие «social scientific» англичанам до Первой мировой войны было неизвестно. Слово наука (немецкое «Wissenschaft», как и чешское «věda») толковалось широко, как научная методология, которой можно пользоваться при изучении различных сторон жизни. Бенеш относился к молодым интеллектуалам, убежденным, что научными методами можно пользоваться также и в политике. Он стал заниматься изучением основ современных политических процессов. На съезде прогрессивной молодежи в Пльзени в сентябре 1912 г. Бенеш заявил: «Научная политика, когда речь идет о той или иной реформе, изучает сиюминутную ситуацию, вытекающие из нее отношения и ее последствия, и идет, таким образом, не к ранее намеченной цели, а эмпирически в соответствии с требованиями и нуждами данных обстоятельств…»[43].

С помощью своего брата Войты, который основал небольшое издательство, Бенеш начал публиковать серию книг академического характера. В 1910–1911 гг. вышел его «Краткий очерк развития современного социализма» («Stručný nástin vývoje moderního socialismu») в трех томах. Отличавшийся сложностью литературный стиль молодого Бенеша

[43] Ibid. S. 17.

требовал от читателя немалого напряжения. Крупный чешский историк Фердинанд Пероутка, значившийся в числе почитателей Бенеша, много лет спустя, говоря о его литературном стиле, отмечал, что, если бы Бенеш не был столь успешен в политике, то «посвятил бы свою жизнь написанию книг. Они были бы весьма хороши в плане методики, содержательны, аргументированы и увенчаны самодовольной концовкой: quod erat demonstrandum[44]. Однако ни одна из его книг не вызвала бы у читателя огромного удовольствия и интереса»[45].

Одна из книг Бенеша – «Партийность» («Stranictví») – помогла Бенешу получить в 1913 г. право преподавать – venia docendi – на Философском факультете Карлова университета. Так он стал «частным доцентом», который выполнял свою работу бесплатно. Тогда политические воззрения Бенеша начали приближаться к программе возглавляемой Масариком Партии реалистов, хотя, согласно Бенешу, он находился по отношению к ней «в умеренной оппозиции». Бенеш общался главным образом с молодыми членами партии, которым разъяснял свой подход к политике, как к науке. По его мнению, реалистам был свойственен излишний романтизм; Бенеша же политические партии устраивали постольку, по-

---

[44] «Что и требовалось доказать» – латинское выражение, обозначающее завершение доказательства теоремы.

[45] Peroutka F. Budování státu. Praha, 1934. Sv. 2. Č. 2. S. 1309 (Zeman Z. Edvard Beneš. S. 17).

скольку являлись абсолютно деловыми, совершенно трезвыми, аналитическими, чуждыми эмоций[46].

В это время Эдвард уже был счастливо женат. Во время своей учебы в Париже он встретился с Анной Влчковой (которая сменила свое имя на Гану). Они поженились в ноябре 1909 г. после четырехлетнего знакомства и сватовства в мае 1906 г. Возможно, Бенеш и колебался, когда решался на такой жизненно важный шаг. Но он не ошибся. Примерно на год моложе него, Гана – она родилась 16 августа 1885 г. в Домаславицах в Теплицком крае – была красивой блондинкой, интеллигентной от природы, хотя и без высшего образования, целеустремленной женщиной и хорошей женой. Скорее всего, как пишет З. Земан, она стала единственным близким Бенешу человеком в его короткой и драматической жизни. Хотя у них не было детей, их брак был необыкновенно счастливым, без больших финансовых затруднений: Гана получила хорошее приданое. Супруги Бенеш купили перед войной с помощью банковского кредита два доходных дома на Вршовицах в Праге.

К началу Первой мировой войны Э. Бенеш, которому исполнилось тридцать лет, был уже сформировавшейся личностью, обладавшей фундаментальными знаниями в области философии и юриспруденции, к тому же имевшей бойкое журналистское перо. Он производил впечатление усерд-

---

[46] Foustka B. Mladý dr. Brneš // 50 let Edvarda Brneše. S. 52–53 (Zeman Z. Edvard Beneš. S. 17).

ного, несколько чопорного и полагавшегося лишь на самого себя человека. Эти основные черты характера остались присущи ему до конца жизни. Он считал, что только разум способен сам по себе решать вопросы правды, в то время как решения, касающиеся морали, лежат на человеческой совести. К социальному дарвинизму, сторонником которого он являлся, прибавилось убеждение, что человечество встало на путь всеобщего прогресса. Бенеш верил также в высшую, точнее им не определяемую силу, судьбу или провидение. Эта высшая сила, по его представлениям, нуждалась на земле в помощниках, проводниках, и Бенеш, отличавшийся большим самомнением, считал свою кандидатуру подходящей для этого.

Летом 1914 г. спокойная жизнь была прервана военным конфликтом. «Война меня удивила и не удивила», – написал Бенеш в начале первого тома своих воспоминаний о Первой мировой войне. И затем добавил: «Свою революционную акцию я начал, сознавая, что вступаю в практическую политику как новичок. Я предчувствовал, что для меня эта работа будет нелегкой»[47].

---

[47] Beneš E. Světová válka a naše revoluce. Praha, 1927. Díl 1. S. 1,14 (Zeman Z. Edvard Beneš. S. 18).

Глава 2
Первая мировая война. Вступление в практическую политику

28 июля 1914 г., месяц спустя после убийства в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги Австро-Венгрия объявила войну Сербии. В течение недели после этого в войну втянулись почти все великие державы Европы. Образовалось два воюющих блока: Центральные державы (Германия и Австро-Венгрия) и Антанта (Великобритания, Франция и Россия). Затем к первому из них примкнула Турция, ко второму – Сербия, Черногория, Италия и Япония. Военные действия достигли мировых масштабов. В судьбе чехов и словаков Первая мировая война имела особое значение. Она привела к распаду Австро-Венгрии и созданию независимого Чехословацкого государства[48]. Но в начале войны европейские политические умы не предполагали крушения Австро-Венгерской монархии, считая ее стабилизирующим фактором на раздробленной национально территории между Россией и Германией[49]. Надо сказать, что Т. Г. Масарик до войны не

---

[48] См. подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2 кн. Кн. 1. М., 2005. С. 15–31, 44–77.

[49] Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2002. S. 20.

был сторонником распада империи. Например, планы славянской конфедерации, тайно вынашиваемые видным чешским политиком Карелом Крамаржем, для Масарика были совершенно неприемлемы. Он оставался лояльным подданным Габсбургов, которому даже не приходила мысль о какой-либо революции[50]. Поначалу чехи вообще не думали, что война может приобрести мировой характер, а империя Габсбургов, эта «тюрьма народов», как ее тогда называли, исчезнет с карты Европы. По словам Т. Г. Масарика: «В войну никто не верил. Для чехов она была неожиданностью»[51]. Молодого Бенеша, как он писал в своих воспоминаниях о Первой мировой войне, она «и удивила, и не удивила». Для него война означала начало вхождения в практическую политику[52].

Со вступлением Австро-Венгрии в войну политическая и экономическая ситуация в Чешских землях значительно ухудшилась. Постепенно сокращались гражданские права и свободы, ужесточалась национальная политика австрийских властей, закрывались чешские школы, запрещались чешские общественные организации, подверглись аресту некоторые видные политические деятели, со временем стала ощущаться нехватка продовольствия. В результате всеобщей моби-

---

[50] Ibid.

[51] Чехия и Словакия в XX веке С. 45.

[52] Beneš E. Světová válka a naše revoluce Díl 1. Praha, 1927. S. 1 (цит. по: Zeman Z. Edvard Beneš. S. 20).

лизации чехи обязаны были служить в австрийской армии, где их численность составляла около 13 %. В Чешских землях, несмотря на строгости военного времени, усиливалось недовольство, хотя до открытых его проявлений сначала не доходило. Среди чешской политической элиты зрели идеи и разрабатывались планы решения национального вопроса в новой ситуации. Внешнеполитически часть ее ориентировалась на Россию (В. Клофач. К. Крамарж), другая рассчитывала на поддержку Запада. Однако в начале войны по-прежнему сильны были и проавстрийские настроения. На первый взгляд политическая жизнь в Чешских землях замерла, но нелегально политические деятели разных направлений продолжали общаться, обсуждая свои планы и обмениваясь взглядами на развитие ситуации. По словам российского тайного агента В. П. Сватковского, «Крамарж и Масарик являлись главными идеологами чешского будущего и посредниками между партиями», пытаясь объединить их лидеров[53]. Тогда небольшая и до войны маловлиятельная прогрессивная партия (реалистов) во главе с Масариком стала одним из центров антиавстрийского сопротивления в Чешских землях.

Начало войны застало Бенеша врасплох. Как и многие его современники, Бенеш выступал против милитаризма, однако последовательным пацифистом не стал. Он пришел к выводу, что война, насилие и революция являются оправдан-

---

[53] Чехия и Словакия в XX веке С. 52.

ными средствами, если под угрозой находится духовная и материальная культура народа. Здесь уже зримо прорисовывался духовный поворот, который, в конце концов, привел молодого Бенеша в ряды противников Габсбургской империи. Он осознал, что союз Австро-Венгерской монархии с Германией и победа центральных держав в войне могли бы негативно сказаться на чехах, означали бы для них катастрофу и укрепление немецких позиций в Австрии. Поэтому, по убеждению Бенеша, чехи должны были изменить свой подход к войне и Австро-Венгрии.

Осенью 1914 г. Бенеш стал близким сотрудником Масарика, который знал его «как коллегу по университету. В начале войны он пришел в редакцию "Часа" как волонтер и заявил, что хочет работать в качестве журналиста; я (Масарик. – *В. М.)* видел, что он берется за вопрос с практического конца… Он сказал, что его гнетет мысль о том, что надо что-то делать. Я сказал ему: я уже делаю. Тогда я вернулся из первой поездки в Голландию… Первой заботой были деньги, и он тотчас пообещал, что кое-что достанет. И достал»[54]. Так Бенеш стал ближайшим соратником Масарика в борьбе против австрийских властей и его идеологическим последователем. В начале войны Масарику нужен был молодой и пробивной сотрудник, который разделял бы его планы и помог бы в дальнейшем воплощать их в жизнь. Бенеш вложил в успех борьбы против Габсбургов небольшую сумму в 4000

[54] Цит. по: Zeman Z. Edvard Beneš. S. 21.

крон. Но его основным вкладом были решительность и трудолюбие. Он, как и Масарик, верил, что борьба против Вены будет успешной. Бенеш начал посещать собрания, организованные Масариком и радикальными политиками, по их поручению ездил в Вену, чтобы получить необходимую информацию, привлекал к борьбе новых сторонников и постепенно стал для шестидесятичетырехлетнего Масарика, который не скрывал от молодого коллеги свои планы, незаменимым.

Бенеш не только поддерживал планы Масарика, но разделял и его философские воззрения. Из проповедуемых им идей проистекала и мысль о возможности создания чехословацкого государства. Томаш Масарик родился в 1850 г. на чешско-словацком пограничье и воспитывался в смешанной культурно-лингвистической среде. Отец его был словаком, а в роду матери имелись чехи и немцы. Томаш окончил университет в Вене и получил степень доктора философии. В 1877 г. его женой стала американка Шарлота Гарриг. Ее фамилию он присоединил к своей и стал именоваться Томаш Гарриг Масарик. Именно в это время он перешел к оппозиционной в Австро-Венгрии протестантской религии. В 1882 г. Масарик получил кафедру в Пражском университете и вплотную стал заниматься чешским вопросом, выдвинув оригинальную концепцию философии чешской истории. Этому был посвящен и его труд «Чешский вопрос». Его автор полагал, что главная роль в истории наций принадлежит Божественному провидению, начертавшему для каждой из

них особый план (программу) существования и развития: «Я, как и Коллар, верю, что история народов не случайна, что в ней проявляется некий определенный план Провидения, и что поэтому целью историков и философов, целью каждой нации, является постижение этого всемирного плана; необходимо познать и определить свое место в нем и в соответствии с этим познанием с возможно более полным и ясным осознанием поступать при всей своей работе, включая **политическую** (выделено. – *В. М.*)»[55]. Применительно к чешской нации это, в частности, означало «ее встроенность в мировую цивилизацию, неотделимость от тенденций развития мира и Европы, необходимость деятельного участия в этом развитии», логичное следование современной политической программы чешской нации «смыслу чешской истории». По мысли Масарика, через всю политическую и интеллектуальную жизнь чехов красной нитью проходят идеи гуманизма и стремления к правде. Квинтэссенция смысла чешской истории им определяется так: «Не насилием, но миром, не мечом, но плугом, не кровью, а примирением, не смертью, но жизнью… – вот ответ чешского духа, вот смысл нашей истории и наследство великих предков». Именно от этого Масарик исходил, формулируя свою политическую программу: «Гуманизм как цель и программа

---

[55] Masaryk T. G. Česká otázka. Praha, 1969. S. 7–8 (цит. по: Бобраков-Тимошкин А. Проект «Чехословакия». Конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М., 2008. С. 26).

нашего народа должен последовательно определять и нашу национальную тактику». Сущность этой тактики – в постоянном этическом совершенствовании и работе по улучшению окружающего мира «малыми делами». «Гуманность, – по его словам, – это не сентиментальность, а работа и снова работа»[56]. Чешскую нацию Масарик рассматривал как часть западного культурного мира.

Несколько позже возникла его доктрина «чехословакизма», суть которой состояла в провозглашении чехов и словаков единой нацией. При этом Масарик, исходя и опираясь на историческое и естественное право, выдвинул идею объединения Чешских земель (Чехии, Моравии, Силезии) и Словакии в единое Чехословацкое государство. «Историческое право» – это в прошлом право Чешских земель на автономию в рамках Австро-Венгрии, а в новых условиях, условиях войны – на их независимость. «Естественное право» – это право на самоопределение для чехов и словаков, представляющих единую в языковом и культурном отношении нацию. «Чехословацкая нация», по мысли Масарика, имеет право на определение своей судьбы и видит ее в создании независимого Чехословацкого государства[57].

Перед тем как 17 декабря 1914 г. уехать надолго загра-

---

[56] Там же. С. 27–28, 30.

[57] Подробнее о философии Т. Г. Масарика см.: Философия – социология – политика. Избранные тексты. М., 2003; Масарик Т. Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. Т. 1–3. СПб., 2001, 2004.

ницу, Масарик назначил Бенеша своим заместителем и никогда не сожалел о своем решении. На Рождество 1915 г. Бенеш навестил Масарика в Швейцарии и привез с собой проект организации борьбы в Австрии. Ему удалось возбудить интерес К. Крамаржа и других политиков к акции сопротивления. Вскоре после встречи Бенеша и Масарика в Женеве в Праге начала создаваться тайная организация, которая позднее стала известна под названием «Маффия». В пятерку ее ведущих деятелей вошли П. Шамал, Э. Бенеш, Й. Шейнер, К. Крамарж и А. Рашин. Посредством курьеров «Маффия» поддерживала связь внутреннего и заграничного движения сопротивления, информировала союзников о положении в Чехии и Австро-Венгрии. Бенеш отвечал в этой тайной организации за связи с заграницей. Он закупал в Германии прессу, которую нельзя было достать в Австрии, собирал информацию, которая, по его представлениям, могла быть полезной Масарику, и в шифрованном виде переправлял заграницу. Жена Бенеша Гана и его друзья, как могли, поддерживали тайную деятельность Бенеша. Однако Бенешу уже тогда трудно было помогать, поскольку он начал привыкать к своему собственному способу действия, который не позволял ему перекладывать ответственность на кого-либо другого. И даже выдачи секретных сведений он не опасался так, как возможных неквалифицированных действий со стороны других; он был убежден, что никто не способен работать с такой отдачей, как он. Он работал лихорадочно и

никому не доверял. Его решимость граничила с безрассудной неосмотрительностью. Карела Чапека поразил, например, случай, когда Бенеш предложил ему во время его поездки заграницу ехать через Швейцарию и тайно провезти некоторые документы. «Подумайте, как их можно спрятать. И поймите, что за это вас могут повесить»[58]. В пражской торговой академии, где Бенеш преподавал, о его заговоре против государства Габсбургов знали не только преподаватели и директор, но даже его студенты. Бенеш и его сотоварищи по «Маффии» не были профессиональными революционерами и «охраняли» заговор против Габсбургской монархии весьма небрежно. Однако неосмотрительность Бенеша имела и другую причину. Один из видных политиков того времени Лев Сыхрава позднее говорил о его почти «мистической вере *в свое предназначение»* и уверенности в том, что он «определенно избегнет любой опасности»[59]. Бенеш, как полагал один из его приятелей, был разумным человеком, но уж если один раз решил, то без колебаний превращал решение в действие[60].

В то время, весной и летом 1915 г., в венских правящих кругах между военными и гражданскими властями велась

---

[58] Zeman Z. Edvard Beneš. S. 23.

[59] Sychravá L. Benešova role v naší osvobozenecké revoluci // Dr. Edvard Beneš – spoluzakladatel nové svobody a tvůrce zahraniční politiky československé. Praha, 1924. S. 66 (Zeman Z. Edvard Beneš. S. 23).

[60] Ibid. S. 23.

скрытая от взоров общественности борьба за подход к славянскому населению монархии. Верховное командование австро-венгерской армии полагало, что славяне, и особенно чехи, относятся к Габсбургской монархии в лучшем случае равнодушно, что поведение некоторых из них граничит с государственной изменой и что гражданские власти обращаются с ними чересчур бережно. Хотя армейские верхи спор не выиграли, их взгляд на славян как на ненадежный элемент в первые годы войны преобладал. Некоторые славянские политики пришли к убеждению, что командный корпус австро-венгерской армии попал в подчинение к германскому имперскому командованию, а Габсбургская монархия, согласно им, превратилась в простой инструмент германской гегемонии в Европе. Масарик и Бенеш позднее использовали этот аргумент с большим успехом в своей политической работе в Париже и Лондоне.

Вершиной австрийского давления на чехов стал арест К. Крамаржа, Й. Шейнера и А. Рашина в мае 1915 г. Им был вынесен смертный приговор, и амнистированы они были только в 1917 г.[61]. Бенеш, который должен был нести воинскую повинность, пока избегал ее, симулируя хромоту. После арестов в Праге, он, однако, стал опасаться за свою свободу. Пришло решение эмигрировать. 2 сентября 1915 г. Бенеш пересек австро-венгерскую границу, направляясь в

---

[61] Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М., 2006. С. 241–261.

нейтральную Швейцарию. В поездке он выдавал себя за коммерсанта и имел паспорт на имя Мирослава Шиха. Руководству торговой академии он незадолго до отъезда заявил, что отправляется в отпуск на учебу; полицейские власти узнали о его заграничной деятельности уже позднее, когда в октябре был арестован один из курьеров Маффия. С Масариком Бенеш встретился в Женеве, и тот предложил ему обосноваться в Париже. Сам же он решил уехать в Лондон. О своей деятельности в Женеве Масарик позднее говорил К. Чапеку: «В Женеве я нашел нескольких чехов…; несколько студентов и чешский рабочий кружок; позже к нам присоединился депутат Дюрих. В Женеве сохранилась связь с Парижем… Штефаник[62] развернул в Париже свою пропаганду в салонах и свете; он обладал совершенно особым даром светского апостольского красноречия, умел вдохновлять слушателей, чем вызывал к нам интерес и любовь. Дважды с докладами приезжал ко мне Бенеш». В 1915 г. в Женеве Масарик вместе с французским профессором-славянофилом Э. Дени открыто выступил против Австрии[63].

Так осенью 1915 г. в Швейцарии началась политическая кампания, не имеющая аналога в европейской истории. Масарик и Бенеш сотоварищи взялись за дело сокрушения Ав-

---

[62] Штефаник Милан Ростислав – словак по национальности, гражданин Франции, ученый-астроном, с началом войны военный летчик (См. подробнее: Милан Ростислав Штефаник. Новый взгляд. Мартин, 2001).

[63] Чапек К. Беседы с Т. Г. Масариком. М., 2000. С. 113, 116–117.

стро-Венгрии, которую остальные державы хотели либо сохранить, либо, по крайней мере, тогда не имели ни доводов, ни плана, почему и как следует ее разрушить. Они стали представителями народа, который был почти не известен ни европейскому дипломатическому миру, ни тем более широкой европейской общественности. Начало заграничного сопротивления, по словам чешского историка Я. Валенты, «носило поистине авантюрный характер»[64].

К своей антигабсбургской акции с конечной целью развала империи и создания самостоятельного Чехословацкого государства Масарику и Бенешу необходимо было привлечь словаков. Еще в конце января – начале февраля 1915 г. в Париже состоялось учредительное собрание Национального совета чешско-словацких общин, на котором было решено обратиться с посланием к Словакии. В нем говорилось о желании чешского народа создать вместе со словацким народом независимое чехословацкое государство с полной автономией Словацкого края, с собственным словацким сеймом[65]. В заявлении Чешского заграничного комитета 14 ноября 1915 г. говорилось о стремлении к независимому чехословацкому государству. В 1916 г. комитет был переименован в Чехословацкий национальный совет (ЧСНС). Его председателем стал Масарик, заместителем председателя –

---

[64] Valenta J. Vznik Československa. In: Edvard Beneš československý a evropský politik. Praha, 1994. S. 51.

[65] Чехия и Словакия в XX веке. С. 60.

русофил Й. Дюрих, а секретарем – Бенеш. В этом же году в Совет вошел М. Р. Штефаник, а Дюрих отбыл в Россию для ведения там организационной и пропагандистской работы. Совет, где особую активность развили Бенеш и Штефаник, ставил перед собой следующие цели: 1) объединить под своим руководством национально-освободительное движение за рубежом; 2) создать собственные вооруженные силы, свое войско добровольцев из числа военнопленных; 3) убедить страны Антанты, что распад Австро-Венгрии отвечает их интересам и тем самым получить их добро на создание самостоятельного государства[66]. Организационным центром ЧСНС стал Париж, а в Британии, Италии и Швейцарии имелись его канцелярии, занимавшиеся пропагандой.

Политическая деятельность в эмиграции требовала особых человеческих качеств, и прежде всего решительности и упорства, которыми обладали и зрелый политик Масарик, и молодой, но уверенный в себе доктор философии Бенеш. И тот, и другой считали себя демократами, но сколько-нибудь существенной демократической опоры среди своих сторонников на родине они не имели. Начинать политическую работу в эмиграции сначала по подрыву, а затем по развалу Габсбургской империи надо было практически с нуля. Поскольку связь с чехами и словаками на родине была слабой, они обратились за помощью к землякам во Франции, Швейцарии, России, Голландии и, прежде всего, в Америке, где

---

[66] Серапионова Е. П. Указ. соч. С. 267–268.

в чрезвычайно разбросанных поселенческих центрах столкнулись с неожиданными трудностями. Здесь жили в основном бедные рабочие и ремесленники, часть огромной экономической эмиграции из Европы второй половины 19 века. Эти люди не сожалели о том, что покинули в прошлом свою родину, оказавшуюся для них мачехой, и многие из них потеряли интерес к ней. Земляческие союзы в России, кроме того, не устраивала западная ориентация Масарика и Бенеша, в Америке же словацким, преимущественно католическим, общинам не нравилась склонность Масарика к протестантизму.

Действуя во время войны в эмиграции, пишет З. Земан, Масарик и Бенеш превратились в революционеров особого типа. Они готовили революцию не с помощью насильственного свержения существующей на родине власти, а пытаясь утвердить свои воззрения и влияние в редакциях иностранной печати, в канцеляриях министров иностранных дел и правительств держав Антанты. Это был трудный путь, полный препятствий и разочарований. Журналистская работа и все тогда доступные средства пропаганды, включая убеждение с помощью личных контактов, играли в деятельности Масарика и Бенеша гораздо большую роль, чем ударная сила формирующихся на Западе и Востоке чехословацких легионов[67]. С мая 1915 г. в Париже под редакцией профессора Э. Дени начал выходить журнал «Чешская нация» («La

[67] Zeman Z. Edvard Beneš. S. 24–25.

Nation Tcheque»), а с августа еще двухнедельник (потом еженедельник) под редакцией Л. Сыхравы «Чехословацкая независимость» («Československá samostatnost»), которые знакомили французскую общественность с чехо-словацкими проблемами.

Бенеш еще со времени учебы в Париже хорошо знал город и после своего приезда сюда без труда вернулся к студенческому образу жизни. Он снял небольшую комнатку на улице Леопольда Роберта на левом берегу Сены, запасся хлебом, мармеладом и чаем для повседневного питания и время от времени ходил в дешевый ресторан, чтобы скромно поесть. Возвратившись в Париж, он совершенно забыл о своей комфортной жизни в Праге с женой Ганой; изысканная французская кухня его нисколько не привлекала. В 1916 г. денежное содержание Бенеша было увеличено, и его жизненный уровень несколько повысился. Земан полагает, что в необходимости репрезентативного имиджа во французской среде его убедил М. Р. Штефаник, который настаивал, чтобы Бенеш отказался от своего студенческого образа жизни. Бенеш переехал на лучшую квартиру по адресу ул. Бонапарта, 18, начал тщательно одеваться и улучшил питание. Позднее он научился играть в теннис. При этом он постоянно упрекал Штефаника за его транжирство, которое претило воспитанному в атмосфере постоянной экономии Бенешу[68].

Во второй половине сентября 1915 г., перед своим отъез-

---

[68] Ibid. S. 25.

дом в Лондон, куда он был приглашен читать лекции в университете, Масарик провел две недели с Бенешем в Париже. Был разработан подробный план действий. Бенеш сразу же принялся за работу, которая отнимала все его время. Он действовал в двух направлениях: во-первых, хотел познакомить общественность с чехословацким вопросом, то есть занимался пропагандистской работой; во-вторых, использовал полученную с родины тайную информацию для обеспечения доступа в кабинеты французских чиновников, которых такая информация интересовала. Бенеш быстро осознал, что знание о чехах, о чешском вопросе у французов еще меньшее, чем он сначала предполагал, и что пробудить их интерес к проблематике, которая его волновала, будет чрезвычайно трудно. Название одной из брошюр, изданных Бенешем в Париже, «Détruizez l'Autriche-Hongrie!» («Крушение Австро-Венгрии!»), стало его девизом. Логическим следствием ее распада должно было стать создание нового государства, Чехословакии. Публицистическая и организационная деятельность на первых порах явилась основой обеспечения успеха заграничной акции по реализации этого плана. Бенеш проявил себя прежде всего в нелегкой организационной работе, которая шла поначалу с большим трудом, поскольку его имя пока было не известно ни в Праге, ни в Париже. Бенеш не был столь ярок в личностном плане, как Масарик или Штефаник: он мало кого мог очаровать. Сознавая это, Бенеш начал строить собственное политическое будущее на

иных своих качествах, на осторожных суждениях и взвешенном взгляде на события. В жизни Бенеш удивлял своей способностью принимать быстрые решения. К намеченной цели шел спокойно, обдуманно, не скрывая своего честолюбия. Завоеванные позиции умел твердо отстаивать и был безжалостен к своим соперникам. Во время войны его критиковали не только за его чрезвычайное честолюбие, но и за суровость, которая граничила с холодной жестокостью[69].

Бенеш стремился любой ценой наладить единство разбросанных повсеместно земляческих союзов, опираясь при этом на авторитет Масарика, который относился к нему со все большим доверием и уважением. После войны тогда уже президент ЧСР Т. Г. Масарик вспоминал, как «легко и действенно было сотрудничество с Бенешем. Не надо было много говорить; он так хорошо разбирался в политике и истории, что достаточно было одного слова. Он разрабатывал детальные планы и проводил их, быстро и успешно мог действовать на свой страх и риск»[70]. Второй молодой член Совета Штефаник был обаятельным, склонным к аристократизму, умеющим обвораживать женщин, но поддающимся настроению, вспыльчивым человеком. Он играл свою очень важную роль в зарубежном чехословацком сопротивлении: обеспечивал доступ Бенеша к парижским политическим кругам. Штефа-

---

[69] Ibid. S. 26.

[70] Masaryk T. G. Světová revoluce. Praha, 1925. S. 38 (цит. по: Zeman Z. Edvard Beneš. S. 26–27).

ник имел французский Орден почетного легиона; парижские дамы с радостью принимали его в своих великосветских салонах. Несмотря на разность характеров, Бенеш и Штефаник смогли объединить свои таланты для решения общей задачи. Им обоим удалось, действуя энергично и подчас бесцеремонно, наладить деятельность ЧСНС и закрепить в сознании западной общественности представления о необходимости решения чехословацкого вопроса.

Упомянутый выше Сватковский сообщал в МИД России летом 1916 г.: «Перемены в чешском и других национальных вопросах Средней Европы произошли и за пределами этих земель, особенно в западных странах согласия. Неустанная пропаганда чехов, южных славян, поляков и т. д. во Франции, Англии и отчасти Италии стала приносить плоды. Широкие общественные и политические круги Запада, ранее совершенно не имевшие ясного представления о существе этих вопросов, ныне восполнили эти пробелы своего политического образования, благодаря появившимся специальным изданиям, лекциям и особенно постоянным беседам заинтересованных национальных деятелей с виднейшими представителями политических, публицистических и общественных кругов». Сватковский уверял, что основные пожелания чешских и других национальных деятелей уже всесторонне рассмотрены и в главных чертах одобрены западными политиками[71]. Скорее всего, это было некоторым

[71] Серапионова Е. П. Указ. соч. С. 269–270.

преувеличением их настроений, но несомненен был интерес к судьбе славянских народов Австро-Венгрии. В конце же 1916 г., на мертвом пике войны, которая никому не принесла решающего военного успеха, ни западные союзники, ни Россия все еще не были убеждены в необходимости ликвидации Австро-Венгрии.

В это время стала набирать силу идея акцентировать политическое значение чехословацких воинских формирований как на западном, так и на восточном фронте. Заслугой Бенеша и Штефаника явилось то, что чехословацкие легионы (воинские части), составная часть союзных армий, оставались автономными и находились под контролем Национального совета. В конце войны это, несомненно, усилило его позиции. Создание и участие в боевых действиях на фронте чехословацких воинских частей – сначала из числа земляков, к которым присоединялись военнопленные – тогда казалось наиболее надежным способом привлечения внимания союзных правительств. Бенеш и Штефаник энергично взялись за это дело. Именно в организации воинских частей их сотрудничество оказалось особо оправданным. Летом 1916 г. Штефаник отправился в Россию, чтобы изучить здесь ситуацию и заняться отправкой чешских и словацких военнопленных во Францию. Но здесь он не встретил желанной помощи ни со стороны властей, ни со стороны Дюриха, который занимался тут при российской поддержке организацией «Чешско-словацкого национального сове-

та». Некоторые представители российских верхов не без основания полагали, что парижскому ЧСНС свойственна прозападная ориентация, и намеревались создать в противовес ему орган на российской территории[72]. Позиция российского МИД состояла в том, что «России необходимо взять чехо-словацкий вопрос в свои руки, не предрешая той формы, в которой могло бы в конце концов создаться чехословацкое государство». России надлежало иметь «довлеющее значение» в решении чехословацкого вопроса при определении послевоенного устройства Центральной Европы на новых началах. Для этого предполагалось удерживать всех военнопленных чехов и словаков в России и передать дело образования чешско-словацких частей военному ведомству. Возглавить это дело должен был Дюрих и созданный в помощь ему организационный комитет, который в январе 1917 г. официально получил статус «Чешско-словацкого национального совета в России»[73].

Бенеш в это время оставался в Париже и в дополнение к своей организационной работе тоже пытался проникнуть в правительственные круги. И это удалось сделать зимой 1916–1917 гг., когда ни одна из воюющих сторон не могла заявить о своем военном перевесе на фронтах сражений и добиться надлежащих успехов. В этих условиях Централь-

---

[72] Об отношении в России к чехословацкому вопросу и позициях Масарика см. подробнее: Там же. С. 271–272.

[73] Чехия и Словакия в XX веке. С. 65–66.

ные державы (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария) 12 декабря 1916 г выступили с предложением о мире, которое было отклонено странами Антанты. Надеявшиеся на победу союзники начали серьезно заниматься вопросами послевоенного мирного устройства, хотя они по-прежнему всерьез не думали о ликвидации Австро-Венгрии. Понимая это, Бенеш прилагал огромные усилия, чтобы вынашиваемые ЧСНС планы хотя бы не канули в Лету. Он будоражил политиков и журналистов, используя все имеющееся у него в Париже связи. Некоторая часть французского истеблишмента начала прислушиваться к аргументам Масарика и Бенеша, которые они настойчиво пропагандировали, а именно: безвольная Австро-Венгрия является лишь орудием немецкого империализма, ее так или иначе сметет революционный взрыв недовольства угнетенных народов, среди которых особое место занимают чехо-словаки. Мир, предложенный Центральными державами, по мнению представителей ЧСНС, был совершенно неприемлем, поскольку они понимали, что его принятие могло бы обратить в прах все планы чехословацкого заграничного Сопротивления.

Дипломатическая нота держав согласия от 10 января 1917 г. хотя и содержала упоминание об Австро-Венгрии, указывала, что целями войны является «освобождение итальянцев, славян, румын и чехо-словаков от иностранного господства». Несмотря на то, что нота была ни к чему не обязывающей и о возможном распаде Австро-Венгрии не го-

ворила, Масарик и Бенеш считали упоминание о «чехо-словаках» «большим успехом»: речь шла о важном факте, пригодном для убеждения внутреннего фронта сопротивления в том, что планы союзников в отношении Австро-Венгрии рассматриваются со всей серьезностью. В Праге же на военные события смотрели под иным углом зрения, чем эмиграция в Париже: большая часть чешских политиков все еще считала планы Масарика и Бенеша нереальными. В конце января 1917 г. президиум Чешского союза депутатов в Вене отверг заявление союзников относительно освобождения «чехо-словаков» от чужеземного ярма. В принятом им заявлении, в частности, говорилось: «Чехи никогда ни под чьим игом не находились и не находятся. Они добровольно подчинились династии Габсбургов и уже 400 лет нерушимо хранят свою преданность этому дому. Борьба чехов за свои справедливые национальные требования, приобретавшая временами напряженный характер, никогда не носила характер борьбы против династии. Всякий чешский патриот уверен, что только под властью Габсбургов Чехии обеспечено дальнейшее процветание в национальном чешском духе»[74]. Это верноподданническое заявление, свидетельствовавшее, что в среде чешских политиков на родине продолжается раскол в вопросе о будущем чешского народа, чрезвычайно огорчило и встревожило Бенеша. Еще 30 марта 1917 г. он в послании в Прагу советовал чешским политикам не делать

[74] Там же. С. 71.

«проавстрийских или продинастических заявлений. Это нам страшно вредит»[75].

Кроме того, Бенешу пока не удавалось решить вопрос о создании чехословацкой военной части во Франции, на что были направлены его усилия с конца лета 1916 г. Дело было, как в отсутствии поддержки со стороны французских военных властей, которые еще не имели никаких прямых указаний от правительства, так и в нехватке подготовленных новобранцев. Помимо небольшого числа прежних переселенцев, во Франции находилось около 4000 доставленных сюда из Сербии бывших военнопленных. Ситуация в Италии была более благоприятной, там имелось примерно 10 000 военнопленных чешского и словацкого происхождения. В январе 1917 г. Бенеш отправился в Рим, полагая, что там найдет большее понимание в отношении планов чехословацкого Национального совета. Но и там его ждала неудача. Римское правительство неохотно брало на себя обязательства в отношении австро-венгерских славян. В Америке попытка мобилизации соотечественников Национальным советом также окончилась безрезультатно, а после вступления США в войну в апреле 1917 г. большая их часть облачилась в американские мундиры[76].

Вопрос о транспортировке на западный фронт чехословацких военнопленных из России тоже пока не решался.

---

[75] Zeman Z. Edvard Beneš. S. 31.

[76] Ibid. S. 30–31.

Почву для формирования здесь чехословацких частей подготовила только Февральская революция 1917 г. Временное правительство лишило финансовой поддержки Совет, возглавляемый Дюрихом. Парижский ЧСНС был признан руководящим центром чехословацкого движения заграницей. Масарик приветствовал Февральскую революцию, называя ее великой. Рассматривая и оценивая все мировые события того времени исключительно через призму чехословацких интересов, он писал: «Свободная Россия всегда была идеалом всех прогрессивно настроенных мыслителей и политиков… и является вернейшим условием справедливого разрешения всех славянских проблем, а также переустройств и организации Европы на новых началах… Чехи всегда были русофилами, и мы горим еще большей любовью к свободной России… Мы питаем лучшие надежды на будущее для нашей страны и нашей свободы»[77]. Масарик уже давно был знаком с министром иностранных дел Временного правительства профессором П. Милюковым. В 1916 г., находясь в Лондоне, он встречался с Масариком и познакомился с Бенешем. В мае 1917 г. Масарик отправился в Россию, где находился примерно год[78] до апреля 1918 г., содействуя созданию в составе русской армии отдельной чехословацкой

---

[77] Серапионова Е. П. Крамарж и Россия. С. 273.

[78] Об отношении Масарика к Октябрьской революции и большевикам см.: Серапионова Е. П. Критика Т. Г. Масариком большевизма // «Восточноевропейский социализм»: становление режима, попытки его модификации, причины краха. М., 1992. С. 21–31.

группировки. Временное правительство дало на это согласие. Октябрьская революция 1917 г. привела к выходу России из войны. Находящиеся здесь чехословацкие воинские формирования были объявлены составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции. В марте 1918 г. был отдан приказ о транспортировке чехословацкого корпуса, насчитывавшего к тому времени 50 тыс. человек, во Францию через Владивосток. В мае 1918 г. вспыхнул вооруженный конфликт частей корпуса с большевиками[79]. Англия, Франция и США пытались использовать легионеров для свержения власти большевиков и возвращения России в стан союзников для продолжения войны. Масарик после некоторого колебания одобрил участие чехословацких легионеров в борьбе с советской властью[80]. Их заслуги в антисоветской войне были признаны и союзниками.

Одновременно деятели Национального совета не прекращали дипломатических усилий, направленных на официальное признание ими права на создание самостоятельного чехословацкого государства. 10 и 11 мая 1918 г. Бенеш направил меморандум и письмо по этому вопросу в МИД Великобритании. В них излагалась фактическая история сопротив-

---

[79] См. подробнее: Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965.

[80] Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. М., 1973. С. 20–21,28-29,147; Vznik Československa 1918. Dokumenty československé zahraniční politiky. Praha, 1994. S. 135–136.

ления чехов и словаков Австро-Венгрии, содержалась просьба признать их союзниками Антанты, а ЧСНС – верховным политическим органом. О своих действиях Бенеш оповестил и французов[81]. Летом 1918 г. двери, в которые так долго стучался Бенеш, наконец, открылись. Союзные правительства согласились с тем, что Австро-Венгрия, поддержавшая экспансию Германии, не заслужила того, чтобы сохраниться как государство после войны. Бенеш выиграл свою дипломатическую битву.

МИД Франции 29 июня 1918 г. направил ему письмо о признании французским правительством ЧСНС в Париже руководящим органом чехословацкого национально-освободительного движения. 9 августа аналогичное заявление последовало и со стороны Англии[82]. Английское правительство признало «чехословаков» «воюющим на стороне союзников народом». Стоит упомянуть, что в английском заявлении еще не было речи о создании независимого чехословацкого государства. Заявления французского и английского правительств, несомненно, свидетельствовали, что усилия Масарика, Бенеша и Штефаника не были напрасными. Бенеш, который всё это время оставался в Париже, чтобы вести дела Национального совета, послал в Прагу радостное сообщение «о величайшем политическом успехе». Он хотел, чтобы и пражские политики признали Национальный совет как

---

[81] Ibid. S. 91–99,100–103,115-117.

[82] Ibid. S. 142–143, 201–202.

временно представляющий интересы Чехословакии. В противном случае, как пригрозил Бенеш, «мы должны были бы здесь все дело бросить и подать в отставку. Было бы катастрофично, если бы сегодня, когда мы имеем политически все, среди нас отсутствовало единство»[83].

Революция в России и вступление в войну США (апрель 1917 г.) явились ключевыми событиями, оказавшими влияние на международную ситуацию и политическое развитие в Габсбургской монархии. В ноябре 1916 г. умер император Франц Иосиф, и его наследник Карл начал проводить в отношении славянских народов более миролюбивую политику. Снова был созван парламент в Вене. 30 мая 1917 г. чешские депутаты венского рейхсрата огласили заявление, в котором говорилось о желании добиваться пока еще в рамках Австро-Венгрии «объединения всех ветвей чехословацкой нации в чешское демократическое государство, включая и словацкую ветвь нации»[84]. 2 июля г. была объявлена амнистия политическим заключенным, которая касалась, в частности, Крамаржа, Клофача и Рашина. Это содействовало радикализации чешской политики, хотя российская революция и падение династии Романовых уменьшили шансы чешских русофилов на освобождение с Востока. Настроения в чешском обществе менялись не в пользу Габсбургской мо-

---

[83] Zeman Z. Edvard Beneš. S. 32–33.

[84] Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т. 2. Минск, 1989. С. 261.

нархии, которая с начала г. находилась в состоянии внутреннего кризиса[85]. Заявление МИД Англии вызвало панику в венских правительственных кругах, которые расценили его как смертный приговор Австро-Венгерской монархии. 2 сентября к признанию чехословаков союзниками, а Национального совета как основы будущего чехословацкого правительства присоединился и Вашингтон. Опираясь на эти заявления, Масарик, который с апреля 1918 г. находился в США, передал американскому правительству так называемую Вашингтонскую декларацию. В ней, в частности, говорилось: «Мы отказываемся в какой-либо форме остаться частью Австро-Венгрии. Мы требуем для чехов права объединиться со своими славянскими братьями, населяющими Словакию». Будущее государство в декларации было объявлено республикой, которая проведет «существенные социальные и экономические реформы»[86]. Еще ранее, 30 мая 1918 г. Масарик заключил со словаками, живущими в Америке, так называемое Питтсбургское соглашение[87], по которому словаки должны были получить в Чехословацком государстве автономию[88]. Согласно «Филадельфийскому соглашению», подписанному Масариком с представителями русинской диас-

---

[85] См. подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. С. 78–81.

[86] Кафка Ф. Чехословакия. Исторический очерк. Прага, 1968. С. 157.

[87] См. подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. С. 82–83.

[88] О событиях и внутриполитической жизни в Словакии в годы войны см. подробнее: История Словакии (пер. со словацкого и английского). М., 2003. С. 292–298.

поры в Америке 26 октября 1918 г., Угорская Русь (нынешнее Закарпатье) в случае ее присоединения к Чехословакии получит автономию и справедливые границы[89].

Бенеш в переписке с Масариком ставил вопрос о провозглашении Национального совета временным правительством, и 26 сентября он получил его согласие. Штефаник в этом правительстве должен был стать военным министром, а Бенеш – не только министром иностранных, но и внутренних дел. Ни Штефаник, ни Бенеш не сомневались, что во главе правительства, в котором им принадлежали три важнейших кресла, встанет Масарик. Бенеш, однако, ожидал подходящего момента, чтобы открыто заявить о составе нового правительства. Бенеш, пишет З. Земан, был молодым и упорным, но в некоторых вещах необыкновенно доверчивым и даже наивным. Он не сознавал, что подобно тому, как во время войны он пытался использовать западные державы в своих интересах, они сами использовали его в собственных целях, и что его успех зависел от того, насколько это было выгодно им[90].

Между тем, осенью 1918 г. политический кризис в Австро-Венгрии достиг своего апогея. События в Чешских землях приняли лавинообразный характер. Еще летом в Праге под председательством К. Крамаржа был создан Национальный комитет, который в обращении к чехословацкому наро-

---

[89] Чехия и Словакия в XX веке. С 98–99.

[90] Zeman Z. Edvard Beneš. S. 36.

ду высказался за право на самоопределение и создание самостоятельного демократического чехословацкого государства. Бенеш внимательно следил за ситуацией на родине. Он опасался создания в Праге правительства во главе с К. Крамаржем. Оно могло выступить против заграничного правительства, и тогда планы Бенеша оказались бы под угрозой. 14 октября, в день, когда в Чешских землях началась генеральная забастовка, Бенеш спешно сообщил французскому министерству иностранных дел о создании временного чешско-словацкого правительства в составе трех человек. Масарик, именовавшийся президентом, объявлялся еще премьер-министром и министром финансов, в кабинет входили также Бенеш как министр иностранных и внутренних дел и Штефаник как военный министр. В ситуации, когда Бенеш не знал мнения политиков в Праге и расстановки там политических сил, он не хотел расширения заграничного правительства. Французское правительство приняло предложение Бенеша на следующий день без колебаний[91]. 17 октября Бенеш послал в Прагу сообщение о создании временного чехословацкого правительства. Он заверил чешских политиков, что правительство заграницей «действительно функционирует и всеми признано». К этому он добавил, что им «от имени чехословацкого правительства» подписаны «крайне обязывающие» международные соглашения, и поэтому «чрез-

[91] Vznik Československa 1918. Dokumenty československé zahraniční politiky. S. 308–309.

вычайно важно, чтобы в Чехии не произошло ничего, что могло бы подорвать авторитет либо всего правительства, либо отдельных лиц». Бенеш считал также крайне нежелательным, чтобы другое, созданное в Праге, правительство начало в Вене или в Будапеште вести переговоры о федерализации австрийского государства: «Наше положение тем самым чрезвычайно осложнилось бы, в нашей армии возник бы кризис, и мы вынуждены были бы либо уйти в отставку, либо ликвидировать наше дело. В этом случае мы не гарантируем Вам ничего». Бенеш в действительности серьезно опасался того, чтобы какое-нибудь возникшее в Праге правительство не положило конец его планам, поэтому в своем послании он предложил компромиссное решение на случай, «если бы дело дошло до создания свободного правительства в Чехии». Президиум правительства и министерство финансов тогда функционировали бы в Праге, в то время как заграницей остался бы лишь «отдел», т. е. часть министерства внутренних дел и финансов. Масарик в этом случае, согласно Бенешу, остался бы лишь «шефом» правительства; о своем министерстве иностранных дел Бенеш в этом дополнении не упомянул[92]. В послании от 17 октября Бенеш пригласил чешских политиков в Женеву, чтобы совместно обсудить дальнейшие действия. Они приняли приглашение. Престиж руководителей заграничного сопротивления и лично Бенеша в Праге поднялся весьма высоко. Переговоры в Женеве

---

[92] Zeman Z. Edvard Beneš. S. 37.

начались 28 октября 1918 г., в день, когда в Праге было провозглашено создание независимого Чехословацкого государства. Заявление об этом было сделано Национальным комитетом, который объявлялся органом «единодушной воли народа, а также выразителем государственного суверенитета». В законе, утверждавшем создание чехословацкого государства де-юре, говорилось, что его форма будет определена Национальным собранием «по согласованию с Чехословацким национальным советом в Париже»[93].

[93] Vznik Československa 1918. S. 332–333.

Глава 3
На посту министра иностранных дел ЧСР. Начало

Местом встречи делегации чешских политиков с представителями заграничного сопротивления во главе с Эдвардом Бенешем стал отель Бо-Риваж (Beau-Rivage) на берегу Женевского озера. Пражскую делегацию возглавлял Карел Крамарж, председатель Национального комитета, высшего политического органа на родине; тридцатичетырехлетний Бенеш тогда был уже две недели министром иностранных и внутренних дел существующего лишь на бумаге государства. Он-то и взял в свои руки инициативу на переговорах, которые продолжались с 28 по 31 октября. Бенеш по своему обыкновению был чрезвычайно оптимистичен. Он заявил, что теперь уже нет оснований опасаться чего бы то ни было со стороны Вены, Будапешта или Берлина, назвал чехословаков народом, вызывающим восхищение всего мира, любимцем Антанты, которая окажет ему быструю военную и экономическую помощь, заверил, что в вопросе границ все уже ясно и что чехословаки только должны решить, какие области они хотят включить в свое государство. Члены пражской делегации после небольшого колебания одобрили все действия и обязательства руководства заграничного сопротивления.

Они согласились с республиканской формой правления нового государства, о провозглашении которого узнали, находясь в Женеве.

Итоги переговоров были зафиксированы в протоколе совместного заседания от 31 октября и состояли в следующем: 1) были признаны заслуги чехословацкого правительства в Париже и созданного им войска; 2) обсуждены условия возможного перемирия; 3) достигнута предварительная договоренность об образовании временного чехословацкого правительства в Праге во главе с Крамаржем, которое действовало бы до принятия конституции и формирования парламентского правительства, а также о занятии в нем Бенешем поста министра иностранных дел, а Штефаником – военного министра; 4) рассмотрены экономические, финансовые и юридические вопросы перехода от австро-венгерской государственности к независимому чехословацкому государству. По предложению Крамаржа было решено, что президентом республики станет Т. Г. Масарик[94].

Делегация возвратилась в Прагу воодушевленная картиной, нарисованной перед ней Бенешем, и высоко оценила деятельность заграничного сопротивления и лично Бенеша. Лидер национальных социалистов В. Клофач на заседании Национального комитета заявил, что авторитет Масарика и Бенеша среди союзников «просто невероятен». Крамарж, по

---

[94] Серапионова Е. Л. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М., 2006. С. 276–277.

воспоминаниям Ф. Соукупа, превзошел Клофача в восхищении Бенешем: «Если бы вы видели нашего доктора Бенеша, то, с каким мастерством он справляется со всеми мировыми вопросами, каким чудом достиг того», что державы Антанты «обязались приложить все силы, чтобы мы получили чехословацкое государство… в желаемых нами границах, так вы сняли бы шляпы… Наши господа заграницей сотворили просто чудо… Я не говорю уж о Масарике… Но подумайте, это тот Бенеш, который с рюкзачком за плечами прибыл в Швейцарию…»[95]. На расширенном заедании Национального комитета 14 ноября Масарик по предложению Крамаржа единогласно был избран президентом Чехословацкой республики. Однако договоренность о составе пражского правительства не была реализована из-за противодействия видных политиков на родине во главе с Антонином Швеглой, исходивших из собственных партийных расчетов и внутренней ситуации в стране. 21 декабря 1918 г. Масарик вернулся на родину.

Бенеш же 1 ноября возвратился в Париж. Здесь он чувствовал себя в своей стихии и полагал, что именно во французской столице сможет быть более всего полезен родине.

С женой Ганой Бенеш не поддерживал связи с момента своего отъезда заграницу в сентябре 1915 г. Первое письмо он написал ей только два дня спустя после окончания пере-

---

[95] Soukup F. 28 říjen 1918. Praha, 1938. Díl II. S. 1091–1099 (цит. по: Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2007. S. 39–40).

говоров с пражской делегацией в Женеве, 2 ноября 1918 г. «Я часто и постоянно вспоминал о Тебе, обо всех Вас… До меня доходили слухи о том, сколько вы вытерпели, как [вам] было плохо, я чувствовал это. Когда возвращусь, ты обо всем мне расскажешь, все выложишь – сегодня ты ясно видишь, что всё это было не напрасно». А неделю спустя Бенеш писал Гане из Парижа на официальном бланке нового государства: «Можешь себе представить…, какой поразительный поворот во всем, что происходит сегодня и что еще произойдет! Я очень доволен [проделанной] работой. И я действительно рад, что, как теперь видно, все предпринятое нами приносит свои плоды и имеет огромные, поразительные результаты. Сегодня такая ситуация в отношениях между французами, англичанами, итальянцами и американцами, что в интересах нашего чешского дела я должен находиться здесь до заключения мира… Я чрезвычайно доволен и счастлив, что всё так идет и так развивается. Всё это мало кто из нас ожидал – но как только я приехал сюда и ознакомился с ситуацией, мне стало ясно, что дело получит такое окончание… это результат того, что все мы принесли страшные жертвы и страдали… По правде я не ожидал того, что все произойдет так быстро, что будет такой полный триумф, что в результате событий я лично окажусь в таком положении»[96].

---

[96] Цит. по: Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. S. 62. (Переписка Бенеша с женой опубликована: Čechura J., Šetřilová J. Listy důvěrné. Vzájemná korespondence Hany a Edvarda Benešových. Praha, 1996.)

Во время войны Гана провела девять месяцев в тюрьме, а после освобождения жила в деревне, в доме отчима. В своем письма от 16 ноября она писала о том, какая суматоха наступила в Праге после получения фотографий Бенеша и как она все их раздала: «Можешь ли ты, Эдичка, понять мои чувства, когда я иду по улице и всюду вижу почтовые открытки, витрины, и на улицах продают Твои изображения? Вчера я купила пять таких. Все это просто прекрасно, если бы не опасения, вкрадывающиеся в мою душу… Все полагают, что после установления правительства, и прежде всего в результате того, что в нем представлены социалисты, наступит успокоение… Д-р Рейхман был здесь неоднократно, работает над книгой о Тебе и собирает материал».

В ответном письме Бенеш называл жену «дорогой доченькой» и просил, чтобы избегала «людей, журналистов и репортеров», поскольку его коллеги начали бы завидовать его популярности и стали бы выискивать его слабости. В письме от 29 ноября Гана жаловалась, что «в Праге жить трудно – из-за продовольственного снабжения, а в Ренчове я эту зиму уже не хотела бы проводить… Не будет ли это противоречить Твоим расчетам, если я скоро приеду к тебе? В Париже можно приобрести более дешевую одежду, чем в Праге, где простой костюм стоит 1000–1200 [крон]». Хотя она писала, что имеет «костюм и одно вечернее платье», считала, что ее гардероб следует обновить, и в этом вопросе полностью полагалась на мужа: «Я слышала, Эдичка, как Ты элегантен, и

в этом отношении я очень за Тебя рада». Накануне Рождества, 14 декабря 1918 г., Бенеш просил Гану, чтобы она была готова к тому, что будет «репрезентироваться: устраивать обеды и завтраки, ходить на обеды и завтраки к министрам, посланникам, президенту и т. д. и т. п. Это очень обременительно, но я должен это делать. Все дела, туалеты, приготовления и т. д. будут решаться только здесь». Гана приехала в Париж. Здесь она забеременела, но у нее случился выкидыш. Их брак оказался бездетным, хотя она долго не оставляла надежды на то, что сможет вылечиться от бесплодия, для чего часто ездила во Франтишкове Лазне. И хотя Бенеш называл свою жену подчас «доченькой», но именно Гана своего постоянно загруженного работой мужа окружала материнской заботой[97].

В конце 1918 г. и значительную часть 1919 г. Бенеш находился в Париже. Послевоенная Европа пребывала в хаосе, и он очутился в вихре международной политики, что ему полностью импонировало. Назревали важные события, касавшиеся послевоенного мирного урегулирования, и он должен был находиться в их гуще, чтобы не упустить чего-либо важного для дела, которому служил все годы войны. По прибытии в Париж Бенеш узнал, что союзники, вопреки предыдущим обещаниям, колеблются в приглашении чехословацкого делегата для участия в переговорах о перемирии с Австро-Венгрией. Используя свои прежние знакомства, Бенеш

---

[97] Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. S. 62–63.

снова разыграл карту, на которую делал ставку и прежде, а именно: в Центральной Европе, находящейся под угрозой хаоса, Чехословакия является практически единственным стабилизирующим фактором. Она была и остается, согласно Бенешу, преградой против немецкой и венгерской экспансии, а также против распространения большевизма. При этом Бенеш под большевистской угрозой понимал скорее революционное движение в той или иной части Восточной Европы, чем экспансию российского большевистского режима. В этой области, дескать, большевизм могут остановить только чехи. Поэтому они должны быстро занять населенное немцами чешское пограничье и Словакию, что потребует проведения военной операции при поддержке армии Антанты. Так впоследствии Бенеш описывал свою аргументацию в книге «Мировая война и наша революция»[98].

Антанта, особенно Франция, с пониманием отнеслась к доводам Бенеша: французское военное командование рассматривало тогда Чешские земли как возможный плацдарм для наступления против Германии. 3 ноября Австро-Венгрия подписала с Союзниками перемирие; день спустя Бенеш принял участие в совещании высших политических и военных представителей Антанты и был приглашен в Версаль. Бенеш испытывал огромное волнение, когда 4 ноября 1918 г. садился в автомобиль, на капоте которого красовался

---

[98] Beneš E. Světová válka a naše revoluce. Vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Díl I–III. Praha, 1927–1928. Díl III. Dok. 204. S. 487–493.

чехословацкий флажок. Он был единственным представителем государств-наследников Габсбургской империи, приглашенным на начало переговоров.

Надежды, возлагаемые Бенешем на Париж, в первое послевоенное время действительно оправдались. Именно Франция первой признала право Чехословакии занять чешское пограничье еще до заключения мирных договоров, несмотря на протесты проживавшего там немецкого населения и венского правительства. Это произошло после локальных столкновений в конце 1918 г. Бенеш добился установления гораздо более выгодной, по сравнению с той, которую требовал в Будапеште представитель словаков Милан Годжа, пограничной линии Словакии с Венгрией. Проблемы вызвал спор с Польшей о Тешине. В этой распре между государствами-«победителями» чехи аргументировали историческим правом, а поляки – национальным правом. В январе 1919 г. по приказу пражских властей на спорную территорию, после войны занятую поляками, начали наступление чехословацкие войска. В то же время Бенеш, учитывая недовольство этим держав-победительниц, бомбардировал Прагу указаниями прекратить наступление, в чем, в конце концов, и преуспел. Большая часть спорной области была передана под управление Антанты, которая должна была этот спор решить: решение было принято летом 1920 г., и ЧСР благодаря Бенешу получила экономически важный угольный бассейн с железной дорогой.

Сложности возникли и в отношении Словакии. Венгрия отказалась признать выход словацких территорий из состава венгерского государства. В ноябре венгерские войска вторглись в Словакию. Чехословацкие власти действовали и дипломатическим, и военным путем. Бенеш вел переговоры в Париже, и в конце ноября венгерское правительство получило оттуда указание очистить территорию Словакии. Однако ситуация здесь оставалась напряженной. После коммунистического переворота в Будапеште весной 1919 г. венгерская Красная Армия перешла в наступление и заняла значительную часть восточной Словакии, где была создана просуществовавшая три недели Словацкая советская республика. Однако после ультиматума Антанты венгерские войска были отведены к демаркационной линии, а словацкая территория и Закарпатье заняты чехословацкими и румынскими войсками[99].

В период принципиальной перестройки Центральной Европы Бенеш решил опереться прежде всего на Францию. И не только потому, что тогда шла речь, невзирая на все ее военные и экономические потери, о сильнейшей державе на европейском континенте. Возникновение Чехословакии было обусловлено не только распадом Габсбургской монархии, но

---

[99] О событиях в Тешинской Силезии, Словакии и Закарпатье см. подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 1. М., 2005. С. 96–99; История Словакии (пер. со словацкого и английского). М., 2003. С. 299–300; Шевченко К. В. Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии. М., 2006. С. 92–113.

также поражением и ослаблением Германии, и Бенеш правильно полагал, что французское руководство было заинтересовано в том, чтобы удерживать Германию в таком состоянии, чтобы она уже никогда не смогла представлять угрозу для Франции. Он считал, что интересы Франции и Чехословакии в Центральной Европе в целом аналогичны. «Франция нас будет во всем и всегда поддерживать», – писал он пражскому Национальному комитету 9 ноября. «Наше положение в Центральной Европе придает нам чрезвычайное значение, во Франции это осознают…, и мы можем иметь от этого необычайно большие политические, дипломатические и экономические выгоды»[100]. Профранцузская ориентация Бенеша поддерживалась также опасениями, что англичане захотят создать в Центральной Европе как минимум экономически более крупные образования, подобные старой монархии. Американцы же, по представлениям Бенеша, являются фанатиками права народов на самоопределение, и он знал, что ради последовательного проведения этого принципа они могли бы финансировать и рождающееся государство.

Президент Масарик после возвращения в Прагу также понял значение союза ЧСР с Францией. Но Бенеш еще 9 ноября 1918 г. потребовал от пражских политиков согласия на переговоры о военном сотрудничестве с Францией. Они велись без уведомления об этом как остальных союзников, так и военного министра М. Р. Штефаника. Переговоры завер-

---

[100] Beneš E. Světová válka… Díl III. Dok. 209. S. 500.

шились подписанием военного договора 14 февраля 1919 г. Вслед за этим в Прагу прибыла французская военная миссия, глава которой стал – и вплоть до 1926 г. являлся – начальником Генерального штаба чехословацкой армии.

Действия Бенеша ухудшили уже и без того неважные его отношения со Штефаником. Штефаник подозревал Бенеша в том, что тот выступил с инициативой создания в пражском правительстве министерства национальной обороны. Оно должно было после подписания мирных договоров взять на себя все функции министерства Штефаника. Кроме того, между Бенешем и Штефаником возникли разногласия в вопросе внешнеполитической ориентации рождавшегося чехословацкого государства. Когда Штефаник, у которого в это время возникли проблемы со здоровьем, в апреле 1919 г. возвратился из России в Париж, он настаивал, чтобы ЧСР имела такие же тесные связи с Италией, как и с Францией. Бенеш, по словам Земана, опасался присущего Штефанику консерватизма, сопровождавшегося стремлением «любой ценой играть руководящую роль… в осуществлении наших дел». Ко всему прочему, Бенеш порицал личную жизнь Штефаника, в том числе и его связь с итальянкой по имени Джулиана Бензони. Он настаивал на том, что Штефаник не может быть членом чехословацкого правительства, поскольку он не отказался от французского гражданства. Бенеш упорно обращал внимание Масарика на то, что мирная конференция может провалиться и что даже может разгореться вой-

на «всех против всех», в которой итальянцы могут оказаться на стороне коалиции немцев, венгров, румын, болгар и т. д., «а мы должны будем идти вместе с французами, поляками и югославами». Штефаник, учитывая его обручение с Бензони, считал Бенеш, «чрезмерно связан с итальянцами», и, вероятно, желал бы видеть Чехословакию в качестве королевства с итальянским принцем на троне. Штефаник, писал Бенеш Масарику 5 апреля 1919 г., «прибыл из Сибири физически и духовно почти сломленным». Французы настроены против него и полагают, что пришел конец его общественной и политической карьере: «Общественное мнение вознесло его… очень высоко. Это произошло с головокружительной скоростью… Это искусственно созданное и искусственно поддерживаемое [мнение] не соответствовало его личности». Французские деятели «говорили мне (Бенешу. – *В. М.)* сегодня, что его позиция "est impossible", что его [про]итальянская политика неприемлема, концепция не выверена…»[101].

Физически ослабленный, тяжело больной Штефаник написал президенту, которого называл отцом, очень мрачное общего плана письмо, отмеченное опасениями за будущее родины. Ссора между бывшими соратниками по общему делу закончилась разрывом. 5 апреля Бенеш написал Масарику, что их последняя встреча «завершилась грубой сценой и обвинением в присутствии других людей в том, что я бес-

---

[101] Zeman Z. Edvard Beneš. S. 42–43.

честный человек. Я не мог этого вынести, между нами все кончено». Политикам на родине министр иностранных дел позже сообщал, что не только не желает находиться в одном правительстве со Штефаником, но не видит для него места и в дипломатии. Масарик, который пытался погасить ссору, тем не менее встал на сторону Бенеша. Угроза публичного конфликта была предотвращена роковой случайностью. Самолет, которым Штефаник возвращался на родину, 4 мая 1919 г. потерпел катастрофу под Братиславой, генерал погиб. Заслуги Штефаника как одного из основателей Чехословацкой республики высоко оцениваются в современной Словакии[102].

18 января 1919 г. в Версальском дворце начала работу Парижская мирная конференция. В ее задачи входило заключение мирных договоров, установление новых границ в Европе и создание механизмов недопущения новых военных конфликтов. Чехословакия оказалась в числе тех государств-победителей, голос которых принимался во внимание только при обсуждении непосредственно касавшихся их вопросов. Формально чехословацкую делегацию возглавлял премьер-министр Карел Крамарж. Однако в Париже он испытал горькое разочарование. Его представление о том, что он будет вести переговоры с лидерами великих держав как равный с равными и таким образом поможет России покончить с большевизмом и восстановить ее великодержавные

---

[102] См. подробнее: Милан Ростислав Штефаник. Новый взгляд. Мартин, 2001.

позиции, не осуществилось. «Крамарж, – пишет Е. П. Серапионова, – привыкший к положению политика, представлявшего большое европейское государство – Австро-Венгрию, несколько (пожалуй, тут можно употребить слово «чересчур». – *В. М.*) переоценивал свой вес на конференции среди союзников, стремясь влиять на основные решения форума… Его претензии на роль равного среди основных победителей не могли оправдаться». Как не могли оправдаться и надежды Масарика на то, что он, будучи приглашен на конференцию, сможет «на равных» с представителями Англии, Франции, США и Италии решать обсуждавшиеся там вопросы[103]. Бенеш гораздо лучше разбирался в закулисных тонкостях европейской политики и знал, каким путем надо идти к цели и добиваться согласия лидеров великих держав, которые к тому же уже привыкли к нему. Он по опыту знал, что путь к успеху лежит в основном через повседневную будничную работу с секретарями этих заваленных делами, занятых сотнями вопросов властных лиц; именно секретари готовили для своих шефов ключевые обоснования и выводы, которые затем быстро проходили через различные комитеты конференции. Тактика Бенеша в конечном счете оказалась верной, а отношения с главой чехословацкой делегации Крамаржем, который более занимался «русским», чем чехословацким вопросом, постепенно начали обостряться.

На Парижской конференции не были представлены ни

[103] Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия. С. 282.

потерпевшие поражение страны, ни революционная Россия, однако вопрос о большевистском режиме оказывал влияние на все переговоры о мире. Суть разногласий между Бенешем и Крамаржем состояла в том, что первый искал ключ к решению чехословацких проблем на Западе, а второй – по-прежнему в России, которую следовало предварительно очистить от большевиков. Средство для этого он видел в чехословацком легионе, который тогда находился на территории Сибири и мог помочь Антанте покончить с большевистским режимом.

Спустя более чем год после октябрьского переворота 1917 г. легионеры все еще являлись единственной боеспособной силой западных союзников на советской территории. Это и объясняло приказ Масарика легионерам от 14 ноября 1918 г.: «Вы не можете возвратиться на родину так быстро, как вам хотелось бы. Тем не менее этой жертвой вы усилите позиции нашего народа на мирной конференции» [104]. В начале 1919 г. легион получил приказ нести охранную службу на транссибирской магистрали. Легионеров, обессиленных тяжелыми боями и пребыванием в суровых условиях Сибири, более всего раздражало напрасное ожидание обещанной со стороны Антанты помощи. Они стремились как можно быстрее вернуться домой, их моральное состояние и боеспособность быстро сходили на нет.

В Париже Крамарж настаивал на военной интервенции

---

[104] Zeman Z. Edvard Beneš. S. 44.

против большевиков с участием легионов, в то время как Штефаник, первоначально согласный с ним, не скрывал сомнений относительно успеха такого плана. Убедившись в почти бедственном состоянии чехословацких частей в Сибири, Штефаник на сей раз сошелся с Бенешем во мнении: «Или серьезная интервенция» против большевиков с участием войск Антанты, «или наших – на родину»[105]. Между тем уже началась эвакуация легионеров из Владивостока на кораблях, армия адмирала Колчака и другие антибольшевистские силы в Сибири прекратили существование, и 7 февраля 1920 г. было заключено перемирие между чехословацкими легионами и Красной Армией.

Осознав, что вынашиваемые им планы ликвидации большевистского режима нереальны, Крамарж предложил другой вариант: концентрировать на чешской территории русских пленных и организовать из них армию под контролем чехословацкого правительства, использовав ее впоследствии для борьбы против большевистской России. Бенеш, не высказавшись пока в поддержку этого плана, все же сообщал в Прагу, что Франция хотела бы посодействовать его реализации, и что его одобряют и видные российские политики-эмигранты. По словам Бенеша, Крамарж полагал, что добровольческая чехословацкая армия вместе со сформированной из военнопленных русской армией могла бы выступить «в

[105] Ibid. S. 45.

поход на Москву»[106]

[106] Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1973. Т. 1. С. 226.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.